

8 (35)

ИЗДАНИЕ
ПРЕОБРАЖЕНСКОГО
СОДРУЖЕСТВА
БРАТСТВ

СЕНТЯБРЬ
2005

в газете использованы
материалы сайта www.sfi.ru

ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ В БОГОСЛУЖЕНИИ АРХАИЧНЫХ ЯЗЫКОВ СТОИТ ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ НЕ СЛЫШАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ

Интервью Павла Ивановича Мейендорфа, профессора кафедры литургического богословия имени о. Александра Шмемана Свято-Владимирской православной академии

Кифа: В этом сентябре Свято-Филаретовский институт проводит международную научно-богословскую конференцию "О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе". Церковью накоплен огромный опыт противостояния злу внутри и вне своих границ, но сегодня он часто остается невостребованным не только секулярным обществом потребления, стремящимся оттеснить церковь на обочину, но и нередко церковным обществом, которое воспринимает этот опыт как общее место, не подлежащее конкретному воплощению. Как Вы думаете как литургист: восприятие каких элементов литургического предания необходимо обновить современному православному христианину, чтобы этот опыт перестал быть абстрактным и можно было бы воспринять глубину церковной традиции противостояния злу?

П.И. Мейендорф: Невозможно не видеть, что большая часть нашей литургической традиции перестала восприниматься верующими и поэтому в значительной степени потеряла свою преобразующую силу и для отдельных прихожан, и для церкви в целом, и для общества, в котором церковь живет. Причины этого очень сложны и многочисленны, и я коснусь только нескольких факторов. В истории православная литургическая традиция всегда была очень близка простому верующему. Богослужение совершалось на родном или по крайней мере на понятном даже необразованному верующему языке. Включающее множество процессий и большое количество совместных песнопений, оно было ориентировано на значительное участие всех. В течение почти всей своей истории оно очень легко адаптировалось к местным или историческим обстоятельствам. Литургическая жизнь, церковный календарь постов и праздников, дневной и недельный циклы — все это разделяло особенности ежедневной жизни простого человека и всего народа.

Сегодня мы сталкиваемся с совершенно иной ситуацией. Для многих православных христиан в России, Греции да и в любой другой стране богослужение совершается на архаичном языке, непонятном большинству людей. В результате богатство литургической традиции, молитв, гимнографии оказывается лишь в очень малой степени доступно верующим. Они мало понимают чтение Писания на чужом языке, а иногда и в такой манере исполнения, которая еще более затрудняет понимание. Многие защищают эту практику с позиций необходимости сохранения исторического наследия — но разве в этом задача церкви? Другие апеллируют к тому, что использование древнегреческого или церковнославянского "более духовно", "более мистериально". Однако чаще всего за этими аргументами стоит простое желание не слышать и не понимать евангельское учение — потому что если понимаешь его, ты должен им жить! Куда проще не понимать и таким образом оправдывать свою греховную жизнь.

Православная литургия в глубине своей природы рассчитана на значительное соучастие всех собравшихся. Тем не менее в последние века роль верующих была во многом сведена к роли пассивных зрителей. Священнические молитвы обычно читаются молча за закрытыми воротами массивных иконостасов. Верующим внушают, что это частные молитвы клира. Однако даже беглое чтение ключевых молитв, например, молитв анафоры, делает очевидным, что это общие молитвы всего народа Божьего, *laos tou Theou*, всей Церкви. Конечно, чтение этих молитв входит в обязанности рукоположенных клириков: епископов и священников, но это не частные молитвы. К счастью, в последние десятилетия возникло движение за возвращение к практике гласного чтения этих молитв. Проблема не только в том, что верующие не слышат молитв: их общее участие в песнопениях перешло или к хору (в большинстве славянских традиций), или к канонарху (в греческой и византийской традиции). Конечно, невозможно устранить хор или канонарха, но их роль должна быть ограничена. Почему не могут верующие петь хотя бы ответы на возгласы ектений, "Аминь" в ответ на молитвы, рефрены к прокимнам и аллилуариям, Трисвятое? Ведь сейчас в результате того развития, которое претерпела традиция в последние столетия, миряне часто оказываются просто пассивными зрителями "представления", исполняемого клири-

ками и хором. Стоит ли удивляться, что литургия так мало (если вообще хоть как-то) влияет на их жизнь?

Православная литургическая традиция — наиболее способная изменяться и приспосабливаться к тем или иным условиям из всех христианских литургических традиций. Лишь начиная с печатания книг в XVI-XVII вв., православная литургическая практика стала фиксированной и типовой. Современная русская практика очень мало изменилась со времени издания богослужебных книг после Никоновской sprawy в XVII веке — это относится как к структуре и содержанию книг, так и к их языку. Но XXI столетие — далеко не то же, что XVII, и еще в 1905 г. необходимость изменений была широко признана епископатам Русской православной церкви в предсоборных отзывах, отправленных обер-прокурору Синода Константину Победоносцеву! Уход из России части ее живых сил, вызванный русской революцией, позорный обновленческий раскол, последовавшие за этим гонения — все это оборвало обсуждение, но оно было продолжено в православных церквях русской эмиграции, а сейчас, хотя и не без трудностей, начинается и в России.

И это обсуждение очень существенно. Именно через православное литургическое служение прежде всего передается вера, им она живет. Если мы будем бездействовать, оно потеряет свой главный смысл и в лучшем случае останется реликтом нашего культурного прошлого, пусть и прекрасного. В первую очередь перед нами стоит не вопрос его изменения (хотя изменение имеет большое значение), но нового открытия его подлинной преобразующей силы. Это вопрос нового обретения глубинного, сущностного смысла богослужения и поиска как древних, так и современных путей передачи этого смысла новым поколениям христиан в том времени и в том месте, в которых мы живем.

Продолжение на стр. 6

В номере:

«Чтобы укрепить православие в Абхазии, необходимо просвещение»

Интервью с о. Андреем (Ампаром), сопредседателем совета Сухумо-Абхазской епархии.

Стр. 2

Россию спасти может только чудо

Материалы встречи братства «Сретение» с известным историком, академиком Ю.Н. Афанасьевым.

Стр. 4-5

Есть ли альтернатива логике потребления?

Из положений доклада преподавателя догматики СФИ Д.М. Гэгзяна (публикация к конференции «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе»)

Стр. 6

О подлинном и мнимом противостоянии злу

размышляет ректор СФИ проф.-свящ. Георгий Кочетков (публикация к конференции «О мирном и непримиримом противостоянии злу в церкви и обществе»).

Стр. 7

«О. Сергей Булгаков был «классическим» духовным отцом» —

вспоминает его духовная дочь М.А. Ельчанинова-Струве.

Стр. 8

Его харизмой была живая речь

Материалы к 15-летию со дня мученической кончины прот. Александра Меня.

Стр. 10-11

Что такое «Воинство Господне»?

На этот и другие вопросы отвечает руководитель одного из крупнейших православных миссионерских движений проф.-прот. Василий Михок. Интервью с ним и миссионерские новости читайте в новом приложении к нашей газете.

«ЧТОБЫ УКРЕПИТЬ ПРАВОСЛАВИЕ В АБХАЗИИ, НЕОБХОДИМО ПРОСВЕЩЕНИЕ...»

— считает сопредседатель епархиального совета Сухумо-Абхазской епархии, настоятель монастыря св. ап. Симона Кананита в Новом Афоне иеромонах Андрей (Ампар)

Кифа: Отец Андрей, несмотря на тяжелые последствия войны, православная жизнь в Абхазии не прекратилась. Приятное впечатление производят облик и общительность учащихся вашего духовного училища и регентской школы. Как Вы думаете: насколько закономерно то, что возрождение духовной жизни сочетается с устройством духовной школы, с духовным просвещением?

Отец Андрей: Мы постепенно стали это осознавать: чтобы поднять и укрепить православие, необходимо просвещение народа, просвещение нашей Абхазии. Постсоветское невежество — христианское, церковное — дает о себе знать. Еще остались стереотипы, которые существовали и культивировались частично, может быть, нами, частично — людьми, с которыми нам пришлось потом воевать. Мы сейчас пожинаем плоды. Мы пытаемся сказать нашему народу, что христианство — не просто пришлое верование, ни в коем случае не «религия захватчиков», принесенная извне, а что это наша родная, испокон веков существовавшая здесь вера. Свидетелями этого являющиеся многочисленные пустующие храмы. Может быть, многие из них — развалины, но даже развалины более отчетливо и явно свидетельствуют о нашем христианстве, чем что-либо другое. И сегодня люди начинают это понимать. Раньше в противовес грузинам, подчеркивавшим свое христианство, абхазцы носили полумесяцы, называли себя мусульманами для того, чтобы показать, что мы другой национальности, не грузины. Сегодня, когда их рядом нет, и у нас есть возможность выбора, — мы возвращаемся к христианству.

Конечно, работы много. Может быть, было бы больше плодов, если бы таких учебных заведений, как наше, было не одно, а несколько в разных частях Абхазии. Мы надеемся, что с рукоположением наших первых выпускников, с их отправлением в пустующие храмы, с налаживанием там приходской жизни пойдут в большом количестве молодые люди в наше учебное заведение, их число увеличится, ситуация будет меняться в лучшую сторону. Помимо тех мероприятий, которые проводятся в нашем училище, конечно же, идет работа на ТВ и в СМИ. Идет проповедь Христа, людям говорится о наших глубоких христианских корнях, о государственности, которая строилась в ту эпоху, когда церковь доминировала, была сильна и способствовала поднятию государственности, независимости в средние века.

Наши преподаватели — это местная интеллигенция, в основном, из Сухума. Мы особенно ревнуем об их присутствии здесь. Мы их привозим, увозим, платим

зарплату. Студентам выплачиваем стипендию, по возможности помогаем и чем-то большим. Они здесь живут, питаются тем же, что и насельники нашей обители. Основной язык обучения — русский. Сегодня мы не можем порадоваться тому, что большая часть студентов — абхазской национальности. Ни в коем случае мы никого не укоряем, но к этому мы хотим прийти. Пока на первоначальных этапах мы ведем обучение большинству предметов на русском языке, но есть предметы и на абхазском языке — это сам язык, литература, история абхазской церкви. Конечно, изучение истории абхазской церкви для людей, приехавших из России, ведется на русском языке. Правда, возможности пригласить преподавателей из России пока нет.

Главная цель нашего духовного училища сегодня — обеспечить будущего пастыря элементарной информацией, необходимой для становления прихода. Ради этого открывалось училище — изначально оно направлено на подготовку будущего духовенства. Может быть, со временем мы могли бы уделить большее внимание чему-то другому — богословским предметам или каким-то другим, но сегодня основное внимание мы уделяем пастырским предметам.

Образование двухгодичное и в духовном училище, и в регентской школе. Сейчас идет речь о преобразовании нашего учебного заведения из двухгодичного в трехгодичное. Со времени открытия в 2002 году было два выпуска духовного училища и один — регентской школы. В регентскую школу мы набираем не каждый год, а раз в два года. В этом году будет второй набор.

Кифа: Каким Вы видите будущее православия в Абхазии?

О. Андрей: Вы знаете, может быть, у россиянина и у нас разнится представление о церкви, о ее значимости, положении, задачах. Для нас главное — заполнить те ниши, которые должна заполнить православная церковь, успеть это сделать при нынешнем быстром росте экономики Абхазии, в тех реалиях, которые сегодня существуют, открыть храмы, которые сейчас закрыты.

Кифа: Возродить приходскую жизнь.

О. Андрей: Да, какие-то начала приходской жизни, потому что без возрождения приходской жизни даже та же самая школа просто не сможет существовать.

Кифа: Насколько вы готовите ваших выпускников, будущих пастырей, к просветительской работе? У нас сейчас в богословских учебных заведениях вводятся курсы миссиологии, катехетики.

О. Андрей: У нас пока таких курсов нет.

Видите, у нас еще период становления. Пока все сводится к личности самих студентов, которые занимаются самообразованием в этих областях, чтобы общаться с народом, с людьми. Мы им предоставляем такие возможности, посылаем их с поручениями к власти имущим, к их соседям по дому. Самое отрадное, что многие студенты конкретно знают, куда они вернуться, чем будут заниматься.

Кифа: Т.е. у них есть живые связи на местах?

О. Андрей: Конечно. Их близкие знают, что этот человек вернется в пустующий храм, они готовы ему помочь, а он надеется на их помощь, есть такое взаимопонимание.

Кифа: В России последнее время много говорят о важности катехизации.

О. Андрей: Да. Но, как я уже сказал, пока какой-то целенаправленной работы, программы у нас нет. Сухумо-Абхазская епархия — структура довольно молодая, немногочисленная. Наше духовенство можно по пальцам пересчитать: нас всего лишь около 10 священников. Не на все хватает времени.

Кифа: Но это стоит как задача?

О. Андрей: Да.

Кифа: А есть ли какие-то объединения, которые поддерживают духовенство, скажем, такие братства, как в России или на Украине?

О. Андрей: К сожалению, нет.

Кифа: Довольно значительная часть праздничного богослужения велась, как я понимаю, на абхазском языке?

О. Андрей: Да, это был абхазский язык. Бывают такие службы, и они, слава Богу, у нас проходят, когда большая часть службы читается, поется на абхазском языке. Как раз сегодня на богослужении, в знак уважения к многочисленным паломникам, гостям, приехавшим к нам в обитель из России, мы служили в основном на славянском языке. Обычно мы читаем здесь в монастыре больше на абхазском языке. Мы понимаем, что для народа, живущего здесь, конечно, будет отраднее и приятнее служба на родном языке. Когда он услышит родной язык, он поймет, что храм Божий — это его родной дом, и вернется к Богу.

Кифа: Как давно совершается богослужение на абхазском языке?

О. Андрей: Это началось еще до революции. Тогда духовенство в Абхазии было более многочисленным — около 30 священников. Абхазских приходов было больше, чем русских, а грузинских — и того меньше. Ситуация изменилась после революционных событий 1917 года, большая часть абхазских священников была репрессирована. Закрывались абхазские приходы, на их месте открывались грузинские.

Кифа: Это было государственной политикой?

О. Андрей: Да, мы касаемся печальных событий истории Абхазии, той катастрофы, которая постигла тогда все народы бывшего СССР. Оттого, что мы были малочисленны, для нас она была особенно ошутима и трагична. И в то время уже были сделаны переводы веношного деления и других песнопений.

Кифа: Кто автор этих переводов?

О. Андрей: Работала целая переводческая комиссия — ученые Абхазии вместе с духовенством. Сегодня мы пользуемся, в основном, этими переводами. К счастью, есть и современное начинание. Наш ректор отец Дороеф уже делает новые переводы, вносит новые смысловые значения, более понятные современному абхазцу. В дореволюционных переводах не все понятно. Песнопения, которые Вы тут слышали, — результат большой кропотливой работы, проделанной отцом Дороефом и особенно его регентской школой.

Кифа: Есть ли у него помощники?

О. Андрей: Те, кто учится, кто имеет музыкальное образование. Они трудятся сообща, используя многочисленный опыт сербской церкви, болгарской, не говоря о русской и греческой.

Беседовал Александр Буров

КОММЕНТАРИЙ

Жители Абхазии свято чтят предание о том, что первыми проповедниками христианства на Абхазской земле были святые апостолы Андрей Первозванный, ушедший затем на Русь, и Симон Кананит, принявший мученическую кончину на берегу реки Псырца (неподалеку от Нового Афона).

В списках участников I вселенского собора 325 г. есть имя епископа Пицундского Стратофила. В 407 году недалеко от Сухуми, в селе Команы, умер в ссылке свт. Иоанн Златоуст. По настоянию византийского императора Юстиниана в VI в. христианство в Абхазии было объявлено государственной религией. Абхазская Церковь как автокефальная была представлена на Никейском вселенском соборе в VIII в. (787) в лице Пицундского епископа, католикоса Абхазского. За церковной автокефалией приходит и государственная независимость. В этот период с VII по X век абхазские цари воздвигли массу христианских храмов. С X века церковные и государственные судьбы Абхазии и Грузии сливаются.

В XVII веке большинство абхазов были насильственно обращены в ислам. Возрождается церковная жизнь в Абхазии после присоединения к России в 1810 году. В 1851 году была учреждена первая

после долгого перерыва епископская кафедра. В начале XX века среди абхазов-христиан возникло стремление создать свою национальную церковь. С этой целью несколько священников и учителей абхазского происхождения (Дм. Маргания, Н. Ладария, Ал. Ажиба, Д. Гулиа, К. Маршания, Н. Патеипа, А. Чукбар, Ф. Эшба) с помощью епископа и русских священников в Сухуме перевели на абхазский язык и издали в Тбилиси ряд церковных книг: «Требник» (1907), «Десять заповедей» (1910), «Литургию» (1912), «Евангелие» (1913) и др.

Съезд абхазского духовенства и выборных от мирян, состоявшийся в Сухуми вскоре после Февральской революции 24-27 мая 1917 года, принял резолюцию об образовании самостоятельной Абхазской церкви. Однако, эта резолюция так и не была исполнена. Абхазия до сих пор остается для всех поместных православных церквей частью канонической территории Грузинского патриархата. В советский период все священники абхазской национальности были репрессированы.

Во время грузино-абхазского конфликта 1992-1993 г. Абхазия покинуло почти все грузинское население, в том числе большинство православного духовенства, состоявшее почти целиком из грузин, во главе с митрополитом Сухумским и Аб-

хазским Даниилом (Датуашвили). Осталось несколько священнослужителей во главе с единственным на тот момент священником-абхазцем о. Виссарионом Аплиаа.

После 1993 года Абхазия оказалась без епископского окормления. Фактическим главой православной стал иерей Виссарион. Помогала Майкопская епархия Московского патриархата — присылала миро для миропомазания, материальную помощь, поддерживала абхазских юношей, обучающихся в духовных школах. Двое из них — о. Андрей (Ампар) и о. Дороеф (Дбар) по завершении своего богословского образования были рукоположены епископом Майкопским и Армавирским Филаретом (Карагодиным) и командированы для служения в Абхазии. Ныне о. Андрей — настоятель монастыря св. ап. Симона Кананита в Новом Афоне, а о. Дороеф — ректор Новоафонского духовного училища, открытого в 2002 году при том же монастыре, и настоятель монастыря свт. Иоанна Златоуста в с. Команы.

30 июня 2003 года в Сарове на своем выездном заседании Священный Синод Русской Православной Церкви заявил, что «РПЦ рассматривает Абхазии как часть канонической территории Грузинской Православной Церкви» и «готова способствовать установлению диалога

между заинтересованными сторонами, дабы нормализовать церковное положение в регионе в строгом соответствии со священными канонами Церкви».

Летом прошлого года о. Виссарион встретился в Москве с патриархом всея Грузии Илией II и митрополитом Даниилом. Результатом встречи была договоренность о временном духовном окормлении православных абхазцев Майкопско-Адыгейской епархией РПЦ в связи с невозможностью окормления абхазской паствы Грузинской православной церковью.

После долгих консультаций и обсуждений, принимавших порой острый драматический характер, 26 мая 2005 года при посредничестве епископа Майкопского и Адыгейского Пантелеймона был создан епархиальный совет Сухумо-Абхазской епархии, в который вошли все священники епархии — 8 человек. На совете были избраны два сопредседателя — о. Виссарион Аплиаа и о. Андрей (Ампар).

Надежду на решение абхазской церковной проблемы по существу многие православные абхазы возлагают на собор всего абхазского церковного народа.

По материалам СМИ подготовил Александр БУРОВ

С 19 по 21 августа в Подмоскowie прошла традиционная встреча Преображенского содружества

Крестный ход участников встречи

Она началась с праздничной литургии в храме Успения Божией Матери в Тучково, где сослужили клирики Московской епархии и члены Содружества в священном сане из разных городов и стран и в которой участвовали и причащались более тысячи человек. Встреча продолжилась в расположенном неподалеку детском лагере обсуждением насущных вопросов братской жизни, миссионерской деятельности, воцерковления детей и молодежи. Одной из основных тем стала тема призвания дви-

жения, во многом связанная с подведением итогов пятнадцатилетия жизни Преображенского братства. Говоря на закрытии встречи о прошедшем пятнадцатилетии, духовный попечитель Преображенского содружества священник Георгий Кочетков сказал: «Иногда я думаю: почему каждый раз меня так вдохновляют наши встречи? Ведь кажется, что они в большой степени рабочие. И действительно, мы разбираем непростые вопросы, иногда считающиеся скучными или сложными. Мы идем на обсуждение любых тем, мы спокойно можем открывать дискуссию в огромном зале чуть ли не на полтысячи, а то и на тысячу человек, не готовая заранее выступаящих, не планируя того, к каким результатам мы во что бы то ни стало должны прийти. Мы можем позволить себе величайшую роскошь духовной свободы. Да, никто никогда не скажет здесь, на земле, что ему хватает свободы, так же как никто не скажет, что ему хватает любви. Но мы, безусловно, пользуемся плодами и дарами любви Божьей и этой настоящей свободы, построенной не по принципу «что хочу, то и ворочу». Это чудо - вот итог нашего пятнадцатилетия. И мое слово, если хотите, только в этом и заключается - в том, что мы должны ежедневно благодарить Бога за то, что этот дар нам был дан, и не только дан, но и сохранен до сих пор за нами».

Фото Евгения Фоминых

Богослужение в храме Успения Божией Матери в Тучково

10 сентября в Свято-Филаретовском православно-христианском институте (СФИ) состоялось открытие нового учебного года

Перед началом занятий в новом учебном году сотрудники, преподаватели и студенты СФИ традиционно собрались на общую молитву. В своей проповеди ректор института, проф.-священник Георгий Кочетков сказал, что то, к чему призывает нас Евангелие, настолько высоко и трудновыполнимо обыкновенными человеческими силами, что для исполнения этого необходимо обрести разумение. Причём не простое, человеческое разумение, а дар Премудрости свыше. Для его принятия необходимо серьёзно трудиться. «Пусть никто не жалеет о потраченном времени, о потраченных силах, если они приводят нас к лучшему разумению пути Господня», — сказал о. Георгий.

Последовавший затем торжественный акт открытия 18-го учебного года в институте начался с краткого приветствия ректором института всех гостей, преподавателей и студентов. Затем напутственное слово сказал старейший член попечительского совета СФИ, доктор богословия, проф.-протопр. Виталий Боровой. Отец Виталий благословил всех студентов и пожелал им лучше учиться, обретать более глубокие духовные знания и укреплять веру, чтобы становиться истинными учениками

Христа, то есть активными участниками в деле проповеди Евангелия в современной России.

Далее доктор богословия honoris causa, член попечительского совета СФИ, канд. филол. наук и поэт О.А. Седакова выступила с докладом «С.С. Аверинцев: Воспитание разума». Ольга Александровна продолжила тему о разумении, начатую в проповеди о. Георгием. Она рассказала о позиции Аверинцева в размышлении о человеческом уме. Аверинцев различал понимание человеческого ума, утвердившееся с эпохи Просвещения, когда человеческий разум был объявлен всемогущим инструментом познания окружающего мира, что привело к войнам, революциям и утрате веры в разум, и понимание ума как возвращения к своему Источнику (как, впрочем, и к Источнику всего) — к Богу, в божественной премудрости. Тогда оказывается возможным обретение целостного, целомудренного взгляда на мир, который ведёт к Жизни, Любви и Свободе.

Закончился вечер поздравлением первокурсников, очников и заочников, а также всех, поступивших в богословский колледж при СФИ.

В Брюле (Германия) прошла организованная Братством православной молодежи «Синдесмос» конференция по проблемам литургических переводов

Брюль, 25-29 августа. Принимал конференцию греческий приход Иоанна Предтечи, а участники собрались из Германии, Бельгии, России, Англии, Франции, Бенина, Греции, Беларуси и Албании.

Первый рабочий день начался с выступления проф.-священника Георгия Кочеткова, возглавляющего работающую при Свято-Филаретовском институте переводческую группу. В своем докладе «Некоторые богословские основания необходимости и возможности перевода богослужебных текстов с древних на современные языки» он говорил о том, что «все переводы богослужебных текстов должны быть филологически достаточно точными, выверенными, но они должны быть еще и богословски адекватными» и что «перевод богослужения даёт церкви очень хорошую возможность пересмотреть свое предание, все, что оно вобрало в себя на протяжении длительного времени». Он также поставил вопрос, необходимо ли быть гением или святым, чтобы переводить богослужение или Священное писание, и кто может заниматься богослужебными переводами, а в заключение сказал, что «проблема богослужебного перевода — это проблема вообще возрождения церковной жизни, проблема её духовного обновления, обновления Духом Святым, проблема возрождения духовных служений во всем их многообразии, в их полноте», поскольку нет смысла говорить о переводах, если нет внутренней потребности в этом у церковного народа. Затем было обсуждение и работа в группах.

На следующий день прошел круглый стол, на котором обсуждались такие вопросы как, например, «Что такое литургия?» и «Каково мое участие в ней?». Эти, казалось бы, простые вопросы заставили участников встречи поразмышлять над пониманием евхаристии и своим участием в литургической жизни церкви.

После обеда состоялась конференция переводчиков, на которой были сделаны четыре коротких сообщения с последующим обсуждением. Илья Коротков из Франции рассказал о работе группы переводчиков на французский язык, а отец Тимоти из Бенина (Африка), где языком образованной части общества (примерно 12%) является французский, поделился опытом переводов на язык народа, до сих пор не имеющего письменности. После короткого перерыва Кирилл Мозгов (СФИ) говорил о взаимоотношениях русского и церковнославянского языков и проблемах перевода на современный русский язык, а затем небольшое слово о переводах на немецкий сказал о. Петр Зоннтаг (Дюссельдорф). В обсуждении принял активное участие игумен Паисий, настоятель сербского скита в Германии.

В субботу работа началась с доклада архим. Ефрема (Лэша) из Манчестера «Литургические переводы», также вызвавшего дискуссию. В своем выступлении архим. Ефрем выделил 4 условия, которым должен отвечать богослужебный перевод:

литургическая точность, совместимость с православной традицией, адекватное восприятие текста на слух и возможность его спеть. Он привел различные примеры особенно трудных для перевода мест, объясняя их и предлагая свои варианты, а также говорил, что поскольку авторы богослужебных текстов опирались на отеческое предание, то переводчик должен знать и эти источники. После обеда участники конференции отправились в Бонн, где состоялся прием у митрополита Германского Августина (Константинопольский патриархат), в котором участвовал митрополит Центральноевропейский Серафим (Румынский патриархат). Митрополит Августин, в частности, говорил не только о важности литургических переводов, но и о том, что одни филологи с переводами богослужения на современные языки не справятся, им необходима помощь теологов. Через проблему переводов перешли к разговору о сегодняшней ситуации в церкви. Здесь митр. Августин особо отметил стоящие перед церковью миссионерские задачи, а митр. Серафим подчеркнул, что сегодня нужно говорить о подлинном возрождении церкви, для чего, конечно, необходима катехизация и работа с молодежью. По его мнению, в храмах постоянно должны находиться люди, способные ответить на вопросы любых заходящих туда людей.

В воскресенье митр. Августин отслужил Литургию в храме Иоанна Предтечи в Брюле в сослужении всех священников, участвовавших в конференции. После литургии прошел обед с участием митрополита, а затем состоялась экскурсия в Кельн: Кельнский собор, романские церкви Марии и Гереона. По возвращении в Брюль прошла встреча — подведение итогов, где каждый говорил что-то о прошедшем семинаре и о проблеме переводов вообще. Звучали предложения в дальнейшей работе обмениваться информацией и продолжать общение, может быть, даже в форме подобных встреч. Поступило предложение поговорить не только о переводах, но и о литургическом творчестве (поскольку любой перевод есть одновременно и оригинальное произведение, а современное литургическое творчество, по меткому замечанию Христофора д'Алоизио, пока все еще больше похоже на работу с двумя компьютерными командами — «copy-paste»).

В завершение конференции президент «Синдесмоса» Христофор д'Алоизио зачитал итоговый текст, который был единогласно принят всеми участниками встречи.

В понедельник вновь совершалась Литургия — в честь престольного праздника, после которой участники конференции были приглашены на встречу с бургомистром Брюля и расплались в книге почетных гостей.

По окончании конференции было решено издать сборник материалов, включающий прозвучавшие на встрече доклады и выступления.

В итальянских Альпах прошла очередная встреча католического мирянского движения Малых братьев Иисуса (братства Шарля де Фуко)

Мирянское братство Малых братьев Иисуса, вслед за основателем Шарлем де Фуко (1858-1916), видит свою миссию в том, чтобы, трудясь и служа среди простых людей, братья самим своим присутствием открывали путь Христу во всех без исключения слоях общества.

Встречи братства проходят раз в два года. В этом году встреча, проходившая с 4 по 14 августа в маленьком местечке в итальянских Альпах под названием Пьяни ди Луцца, была посвящена теме «Брат Шарль — пророк нашего времени».

Первые несколько дней были посвящены рабочим встречам делегатов из разных европейских стран, а затем с прибытием основной части участников начались «европейские каникулы». Отдых был активным — не только экскурсии и походы в горы, но и регулярная работа по малым группам, где обсуждались разные аспекты общей темы. В самом начале

всех собравшихся, т.е. человек 150-200, разделили на 12 групп с учетом языка общения. Основными рабочими языками были итальянский, французский и английский.

Каждый из рабочих дней начинался утренней молитвой и докладом, который задавал проблему для последующего разговора уже в малом кругу. Кроме того, состоялся экуменический круглый стол по теме «Мир и справедливость» с участием ректора СФИ проф.-священника Георгия Кочеткова, который был приглашен на встречу братства «Шарля де Фуко» в качестве гостя, и женщины-пастора из миланской баптистской церкви.

Общая атмосфера всей встречи была радостной и открытой, что хорошо способствовало и работе, и христианскому общению участников, приехавших из самых разных уголков Европы.

РОССИЮ СПАСТИ МОЖЕТ ТОЛЬКО ЧУДО

Фрагменты встречи Сретенского братства
с президентом РГГУ, академиком Юрием Николаевичем Афанасьевым

Ю.Н. Афанасьев: Дорогие друзья, я с удовольствием принял приглашение о. Георгия. Дело в том, что ваш институт и наш университет связывают долгие годы взаимной симпатии. С.С. Аверинцев, будущи профессором РГГУ, часто рассказывал о вашем институте и всячески, как мог, заботился о нем. Поэтому я, как бы выполняя наказы Сергея Сергеевича, стараюсь, где можно, хоть чем-то помочь вам.

Тема нашей сегодняшней встречи: можно ли сформулировать причину вековой русской беды?

Что я понимаю под вечной бедой России? То, что происходит сегодня, на мой взгляд, не требует подробного описания. Каждый из вас в разной степени, но довольно ощутимо испытывает на себе все невзгоды этой жизни. Весь спектр нашей действительности — экономика, социальная сфера, духовная сфера, культура — производит впечатление ухудшения по сравнению с тем, что было, скажем, в 90-е годы (собственно говоря, это подтверждает и официальная статистика: мы пока не дошли до уровня 1998 г., если брать обобщенный показатель под условным названием «качество жизни»). Проявлений подобного ухудшения — сколько угодно. Недавно были озвучены официальные данные о количестве в стране беспризорных детей: около миллиона человек. И около трех миллионов наркоманов, около трех миллионов подростков в России не умеют ни читать, ни писать. Эти цифры прозвучали в отчете правительств о работе с подростками. Россия сегодня теряет почти миллион человек каждый год, и по достаточным оценкам демографов к середине этого столетия население России будет насчитывать около ста миллионов человек (сейчас сто сорок три). Что касается состояния здоровья людей, то счет больных СПИДом, алкоголиков, психически нездоровых людей, больных туберкулезом идет на миллионы. Подобные цифры ужасают, потому что продолжительность жизни, состояние здоровья, общая динамика населения — это показатели состояния того или иного народа. И получается, что мы не просто больной народ, больная нация, а нация на глазах дряхлеющая и умирающая.

Сегодня люди, стоящие у власти, на самом верху, уже не скрывают, что стали обладателями — каждый из них — миллиардного состояния. Они как бы разделили валовой национальный продукт между собой: Медведеву — «Газпром», Сечину — Аэрофлот и т. д. У каждого своя доля в несколько миллиардов долларов. И эти люди, будучи руководителями, министрами, членами президентской администрации, говорят о необходимости борьбы с коррупцией. И эти люди произносят слова о том, что надо реформировать ЖКХ, реформировать сферу образования, провести пенсионную реформу. Министры стали капиталистами открыто, но законом нигде это не проведено. Как они будут реформировать нашу экономику и нашу жизнь? У них всегда будут противоречия между их интересами как членов правительства и как бизнесменов. Ведь не будут же они губить свой

собственный бизнес. А общество всё это видит.

Еще один яркий показатель состояния народа — ложь и двойные стандарты, которые становятся или уже стали нормой не только среди тех, кто наверху, но и в самом народе.

Может сложиться впечатление, что я говорю о последнем времени, последних десяти-пятнадцати годах. На самом деле, это не так. Если взять весь период советской власти и посмотреть с этой точки зрения его динамику в целом, то получится примерно такая же картина. Конечно, были годы, вошедшие в историю под названием «застойные», брежневский период, когда наблюдалась относительная стабильность — их, собственно говоря, теперь и вспоминают с ностальгией как благополучные. А это ведь всего всего 70-80-е годы. Но людям свойственно оставлять в своей памяти только то, что наиболее приятно и не берedit душу. Но вспомним, какие тогда были зарплаты, чем питались, как жили, и как складывалась быт людей. Собственно говоря, и тогда были периоды и места, когда и где жить становилось невозможно.

Если же попытаться шагнуть дальше в 1917 год, в Первую мировую войну, то окажется, что на долю России в прошедшем столетии выпало куда больше бед, чем на долю других стран: три мировые войны — две настоящие и одна «холодная» война, которая стоила тоже немало; одна гражданская война (некоторые добавляют три революции, которые произошли за это время); почти 60 локальных войн; катастрофы такого грандиозного масштаба, как черноморская, челябинская, семипалатинская, от которых пострадали сотни тысяч людей.

Я не всё перечислил, но этого достаточно для того, чтобы спросить: а может быть, как страна, как народ, мы предназначены для того, чтобы показывать всему остальному миру, как не надо делать? Ведь в самом деле — совершили такую революцию, по пути которой пошли десятки стран, миллионы людей, и шли они по этому пути десятилетиями, пока не убедились, что это тупиковое направление.

Можно ли найти ответ на вопрос, почему при всех попытках уйти от того, что плохо, мы в конце концов приходим к тому же результату, если не к худшему? Попыток преодолеть русскую беду предпринималось много. Можно начинать чуть ли не с XVI века, но всем известна имена реформаторов Столыпина и Сперанского, или, например, Александра II — ведь и они потерпели поражение. И Ленин, и Сталин размышляли о том, как сделать лучше. Теперь вот очередная перестройка — замысел, намерения были прекрасные, в итоге получили бандитское, полицейское, криминальное общество, без морали, но с многочисленными болезнями.

Я думаю, ответ на этот вопрос уходит своими корнями в татаро-монгольские времена. Именно в это время выработался наш образ жизни и, как это ни странно, то, что сейчас называют модным словом «ментальность». Иными словами, сформировался способ жить экстенсивно, за счет пространства и за счет его дальнейшего расширения. Этот образ жизни был унаследован русскими, и поэтому можно говорить о том, что Русь не избавилась от татаро-монгольского ига, она его вобрала в себя.

К этому прибавилось византийское влияние на Россию. Стремление к имперскости, великодержавности, агрессивности, воинственности, величественности, помпезности — всё это пришло к нам вместе с византийской церковью. С тех самых времён Россия и живёт завоеваниями. Москва воюет силами татар с другими русскими княжествами и потом карает эти княжества так, как татарам и не снилось. Завоевывали Сибирь, Кавказ, Дальний Восток, и всё казалось — вот ещё

это завоюем, к этому морю выйдем, к другому, к третьему... Выходили, и напрягали Русь до крайности, до последней возможности, жили-то, собственно говоря, от войны к войне.

В это же время происходило сопротивление между властью и обществом. Они находились не просто в состоянии дисбаланса — власть боролась с обществом в такой степени, что в конце концов, уже в сталинские времена, она превратилась в своего рода оккупанта. ГУЛАГ — это тоже была война, которую мы все пережили.

Народ уродовал себя в этих войнах и благороднее не становился. Когда я задумывался, почему у нас не состоялось чего-то вроде покаяния (причём на каждом этапе сама по себе эта идея встречала мощное неприятие), я никак не мог понять поначалу глубинные причины этого нежелания говорить о сущности сталинского режима. А объясняется это, наверное, вот чем: ведь если у нас десятки миллионов были посажены, осуждены, сколько же надо было иметь «стукачей», чтобы такое количество людей посадить? Примерно столько же. Что такое несколько десятков миллионов «стукачей»? Как разделить общество на жертв и палачей, когда каждый выступал в одном случае в качестве палача, в другом — в качестве жертвы?

На мой взгляд, в этом и кроется причина нашей беды: в стремлении к экспансии, напряжении всех человеческих и природных ресурсов до такой степени, что возможности для иного способа жизни уже не остается. Во всех так называемых развитых странах Западной Европы в XIX веке произошел переход от традиционалистского общества к развивающемуся обществу — take-off. Мне кажется, Россия тоже была готова к этому переходу. По крайней мере, годы, предшествующие XX веку, внушали в этом смысле надежду. Но случилась революция сначала 1905-го, потом 1917-го года. И переход не произошел. Стали опять готовиться к одной войне, к другой, к третьей. Мы ведь не думали об улучшении жизни людей. Нет, мы создавали термоядерное оружие, ракеты, исследовали космос — вот куда ушла вся энергия. И этот дисбаланс между целями и возможностями сделал невозможным отход от традиционалистского общества.

Есть иная формулировка причины вековой русской беды. Образовалось двойное противоречие: первое — между стремлением к экспансии, вплоть до мирового господства, через лозунги «Москва — третий Рим» и «За торжество коммунизма во всем мире». Это стремление сопровождалось войнами, в том числе и мировыми, обесцениванием жизни человека, истреблением личности с катастрофическим ухудшением общего качества жизни.

Второе противоречие происходило между властью и обществом. Они дошли не просто до сопротивления, но до борьбы на уничтожение. Гражданские и колониальные войны, восстания и революционные репрессивные режимы и карательные системы — все это уродовало, истязало, обесмысливало и власть и население России. Власть становилась жестокой, свирепой, безжалостной, население — лживой, подавленной, лишенной человеческого достоинства массово.

Духовное уныние, роскошь, яхты и Куршавели одних и беспорядное пьянство и нищета других. Складывается впечатление сдувающегося на глазах шарика. А вместе с событиями на Кавказе, Дальнем Востоке, да и в Калмыкии Россия предстает уже не птицей — тройкой, а старой клячей, ковыляющей в муках к своей кончине.

Приглашая меня на эту встречу, вы просили сказать хоть что-нибудь оптимистичное. Если что-то и спасёт Россию, которая явно идет к гибели, так это чудо. А я в чудо верю. Более оптимистичного, увьи, я вам ничего сказать не могу.

Свящ. Георгий Кочетков: Большое спасибо, Юрий Николаевич.

Я думаю, что вряд ли стоит открывать дискуссию по этому поводу, потому что все узнавали с большей или меньшей достоверностью какие-то части своей жизни. У каждого, конечно, уже существуют свой опыт, свои переживания, какие-то свои объяснения происходящего. Но нас ещё, может быть, вдохновляет возможность некоего разнообразия. Дело в том — я вряд ли буду говорить сейчас что-то уж очень оригинальное — что и в истории, и, как это ни странно, в нашей современности, которая по понятным причинам очень не любит многообразия, всё-таки спасало именно то, что и древняя Русь, и более поздние века давали возможность людям не только уходить, не только угнетать или угнетаться. Все это, безусловно, имело место, и здесь, конечно, играла свою роль и рабская психология тех, кто выживал под игом, и византийская модель отношения к миру, воспринятая церковью, и вероломство, и жадность, и имперские амбиции — всё это, конечно, присутствует, и оно присутствует у многих в подворке. Но, слава Богу, как-то, может быть, действительно чудом, находились какие-то иные возможности. Вдруг наряду, скажем, с татаро-монгольским игом в самые трудные времена, в XIII-XIV веке, произошло что-то такое, что появился Андрей Рублёв, появился Сергей Радонежский и их школы. Да, конечно, было мифологизированное сознание, да, конечно, не всегда легко разбираться, что же было вообще и однозначна ли роль того же преподобного Сергия, и тем не менее он был осознан как лидер нации, как вообще чуть ли не основоположник русской нации — именно он, и то, как он запомнился народу, сильно отличалось от реальных, но неблагоприятных вариантов нашего развития. Мне кажется, что очень важно всегда иметь в виду то, что наша история крайне противоречива, и она удивительным образом может сочетать вещи противоположные. Вы это косвенно признали в своём выступлении, например, говоря о том, что при всех наших бедах и проблемах к концу XIX — началу XX века мы были готовы (пусть немного позже, чем Германия, но не очень уж сильно позже) сделать тот же шаг к прорыву. И действительно, когда мы сейчас знакомимся с экономикой, с политикой, наукой, культурой, духовной жизнью того времени, мы видим, что все потенции были. Они же взяли не из пустоты.

Ю.Н. Афанасьев: Но в итоге ничего не получилось.

Свящ. Георгий Кочетков: Конечно. Но важно, что мы признаём: эта потенция была реальной, она не была чьим-то проектом. Это уже было на нашей огромной территории, в нашем многообразном народе со всеми его противоречиями, в нашем производстве, в нашем сознании, в наших храмах, хотя всё это было на фоне кризиса — были кризисные явления и в экономике, и в политике, и в науке, и в культуре, и в церкви, но было и что-то другое, противоположное.

Мы, конечно, много думаем о том, о чем Вы говорили. Нас совсем не оставляет равнодушным, например, то, что сейчас не хотят, скажем, говорить о демократии иначе как в отрицательном ключе, что идёт навязывание определённого тоталитарного отношения к возможным альтернативам. С другой стороны, кризис демократических сил (а не демократии как принципа) — налицо. Они расселись, их как бы не видно, их как бы нет. Мы прекрасно понимаем, что было много желающих ослабить эти силы, их расплыть, но ошибок тоже было много.

Мы видим в чем-то такой же кризис в отношении к церкви. В начале 90-х годов люди не просто ринулись миллионами креститься — они возлагали надежды на церковь. У них было розовое, пусть чисто нетрезвенное, часто довольно невеже-

ственное отношение к церковной истории, к церковным возможностям, к церковным потенциалам — и очень многие из них сейчас испытывают разочарование.

Еще с поздних советских времён и все последние годы важно было, на наш взгляд, осуществлять один принцип: с одной стороны, жить по-божески, жить по совести, жить по-христиански, не оборачиваясь ни на кого, ни на что (конечно, уклоняясь от прямых ударов, иначе этой жизни просто скоро не будет). С другой стороны — восполнять всё то, чего нет, но что должно быть. Для нас в церкви это значило делать то, чего не делает иерархия, епископы или даже священники, что не делается на приходах, но что изнутри традиции требуется делать. Мы старались не противопоставляться никому, но все равно мы очень скоро стали удобной мишенью не просто для критики, а для критики уничтожающей и соответствующих ей действий. Но тем не менее все эти годы мы продолжали стремиться к осуществлению главной цели существования всего нашего движения — восстановлению той потенции нормальной жизни, которая утрачена. Она действительно внешне утрачена, но она тем не менее существует, и люди — они, в конце концов, не враги себе, у них есть совесть, хотя она действительно иногда задавлена, искажена, извращена, раздвоена. И тем не менее есть силы исцеления подобного рода болезней. Они не всегда только человеческие, но, слава Богу, они есть.

Мы, конечно, не можем претендовать на то, чтобы быть каким-то примером для всех в церкви или в обществе, это было бы очень самонадеянно и наивно, но, тем не менее, что мы можем, мы делаем. И нам очень интересен Ваш опыт в том смысле, что у Вас тоже есть — и мы это очень чувствуем — свой путь. Вы из людей, которые чётко держали свой путь, и, слава Богу, 90-е годы выявили таких людей — тех, кто знал своё призвание и был верен ему и никогда его не предавал. Конечно, всегда были и те, кто не был ни верным, ни преданным, а просто то к одним присоединялся, то к другим. Вы прекрасно знаете, как много было людей, которые очень быстро переворачивались в другую сторону, как только менялся господствующий ветер. Конечно, не случайно мы сейчас переживаем кризисную эпоху, отчасти здесь виноваты ошибки прежней власти, её слабость, отчасти просто неспособность удержать какие-то важные вещи, которые были историей даны. Трудно, да наверное, и не нужно кого-то осуждать за это. Трудно нам себя представить на месте тех людей, которые должны были всё это держать, но почему-то не удержали. Мы видим кризисную ситуацию, но мы верим в то, что Господь действует и есть реальная перспектива не только для индивидуального действия, но только для какого-то жизненного микроуровня, но и для более крупного масштаба действий. Мы постоянно встречаемся с какими-то потенциями, которые с огромным трудом пробивают себе дорогу, с огромным трудом себя реализуют, но которые всё-таки пробиваются. Иногда так и замирают, и умирают где-то под асфальтом, но иногда нет-нет, да этот асфальт и пробьют.

Да, конечно, ситуация катастрофическая, да, конечно, народ вымирает, да, экономика еле-еле держится — это вообще непонятно, за счёт чего она держится, люди как не умеют и не хотели работать, так они и не умеют и не хотят. А из тех, кто что-то умел и что-то хотел, половина уехала. Другие на компромиссах, на полуправде или неправде что-то такое строят, не будучи уверенными, естественно, в результате. Всё это очень страшно, потому что это может привести к коллапсу. И это не просто научные гипотезы — история знает коллапсы государств крупных народов. Наша страна находится в таком состоянии, что я не знаю, как мы живём. Я лично никогда, — я объездил почти всю страну — не видел ни одной здоровой деревни, где было бы нормальное количество мужчин, ни пьяных, и не за 70 лет, которые имеют хоть какие-то представления о нормальной жизни, имеющей нормальную цель, и могут нормально работать. Всегда есть несколько одиночек, достаточно хороших, добрых, сильных, умных, но уже подпорченных

то с одной стороны, то с другой, то с третьей, надломленных. То есть деревни у нас уже практически нет. Какой у нас рабочий класс — тоже не надо рассказывать. Как у нас работают люди, которые не относятся ни к рабочему классу, ни к крестьянству, тоже более или менее известно. Всё это, конечно, насаждалось годами, десятилетиями, столетиями, когда человек никогда не уверен в завтрашнем дне, он всегда считает себя временщиком, он везде временный, он нигде не дома. Мы все чувствуем некоторую дистанцию: всё наше не наше. Наша работа, семья, храм, любая наша деятельность — она наша, и она не наша, потому что, во-первых, могут забрать в любой момент, нет никакой гарантии, что это может быть продолжено, что это может стать традицией, и во-вторых, всё устроено так, что там действительно есть и своё и чужое, какие-то чуждые элементы присутствуют во всех областях, во всех сторонах нашей жизни. Это страшная вещь.

Ректор СФИ проф.-свящ. Георгий Кочетков и академик Ю.Н. Афанасьев

Но мне кажется, что чудо, о котором Вы сказали, действительно может быть реальным, есть основание в него верить. Я Вас понял так, что за этим стоит вполне реальная надежда.

Ю.Н. Афанасьев: Я согласен почти со всем, что Вы сказали. Дело в том, что мысли, подобные моим, мало кто высказывает вслух, и иногда кажется, что это ненормально: думать так и не находить поддержки. И очень радуешься, когда получаешь какой-то интеллектуальный, духовный отклик в своих товарищах. И сегодня, в День Святой Троицы, мне было приятно услышать подтверждение некоторым своим мыслям.

Что я имел в виду, говоря о чуде? Бывают ситуации, когда человек не просто себя самого, а свои мысли доводит до порочного круга, из которого выхода вроде бы нет. Если мы ещё раз перечислим вековые беды России и потом спросим себя: «Можно ли от них избавиться?», то действительно получается, что из общего набора тех мер, которыми мы обычно оперируем, из понятий, которые крутятся у нас в голове, — «реформа», «перестройка», «революция» — ничего не выходит. Вот именно в такие моменты мы прибегаем к понятиям, ценностям, к возможностям неземного свойства. Я думаю, что есть силы — действительно, может быть, неземные, овладевшие которыми или постигнув которые, мы, может быть, столкнемся с тем, что нас осенит, или ещё что-то подобное произойдёт. И именно это я называю чудом.

Свящ. Георгий Кочетков: И мы тоже верим в это чудо — неземное и вземное, хотя и земное тоже, потому что мы всё-таки все из земли — в эту благодать, в этот дар Любви, и мы знаем, что только Любовь открывает сердца, делает людей и смелыми, и мужественными, и терпеливыми, и разумными, и даже более того, мудрыми и ответственными. Она даёт все те свойства, которых нам так не хватает. Но я вижу уже много людей, собирающихся вступить в разговор. Наверное, нужно дать всем желающим высказаться.

Д.М. Гззян: Мне бы хотелось в своём вопросе столкнуться двух диссидентов. Одного звали Пётр Яковлевич Чаадаев, который, как известно, задавал Ваш вопрос: не судьба ли России в том, чтобы научить остальной мир, как не надо. А другой — Лев Николаевич Толстой, который так легко замыкается в этих узких кругах? И не есть ли начало умножения надежды в том, чтобы стараться эти круги расширять? Потому что ведь получается, судя по сегодняшней встрече, что мы очень часто ходим где-то рядом друг с другом, а встречаемся, как сказал один недавно почивший французский философ, только на Елисейских полях. Почему-то не на земле. Как бы нам на земле чаще

светительство сейчас важнее. Политика, действительно, это не та область, с которой здесь надо начинать.

Далее состоялась дискуссия в связи с проблемами гуманитарного образования. Мы надеемся опубликовать ее в ближайших номерах. Здесь же мы приводим лишь часть заключительного слова о. Георгия Кочеткова.

Сегодня удивительным образом прошло красной нитью, начиная с вопроса Давида Мкртчичевича Гззяна, то, что мы должны находить людей одного духа, одного языка, даже если это окажется что-то совсем неожиданное, может быть, первоначально или на каком-то уровне, на первых ступенях во всяком случае, далёкое и от ценностей веры, и от ценностей традиционной христианской культуры, и ещё от чего-то подобного. У нас есть этому прецеденты, для нас очень важные, потому что мы должны верифицировать свой опыт, мы не можем думать, что мы только сами из себя рожаем оценку и ориентир жизни. Мы понимаем, что у каждого движения, если это живое и реальное движение, есть задача служения, задача выхода за свои рамки, за свои границы, некая ответственность перед большим числом людей, перед какими-то более общими процессами и культурными, научными, духовными и т.д., и историческими, и социально-политическими, экономическими. Во всяком сообществе есть опасность слишком жёстко установить границы. Без границ нельзя, но и жёсткими они не должны быть, они должны быть прозрачными и в каком-то определённом смысле открытыми. Но тем не менее важно сохранить эту общность, сохранить этот общий язык, не менять его на какую-то языковую амальгаму. И не нужно бояться упрёков. Нас ведь часто упрекают: у вас свой язык, трудно вас слушать, трудно читать ваши газеты, трудно читать ваши доклады, трудно участвовать в вашей конференции... Кому-то трудно, а кому-то наоборот, очень легко! Вы посмотрите, сколько лет мы приглашаем каждый раз новых людей, хотя и очень ценим присутствие всех тех, кто не первый раз участвует в наших международных осенних конференциях, но люди как-то мгновенно проявляют себя именно в этом отношении. Или им очень близок наш язык, — тогда это одно участие и одно проявление, или он остаётся чуждым, и тогда участие таких людей в конференции остаётся формальным. Я думаю, что нам очень стоит ценить и этот язык, и эти границы, и возможность диалога, нам нужно устанавливать этот диалог и внутри церкви, и между церковью и обществом, и внутри нашего Содружества братств, так же как в нашем Институте, с православными людьми и неправославными, христианами и нехристианами, верующими и неверующими, в конце концов. Нам очень важно быть здесь нелицеприятными. Сказано в Писании: «Бог нелицеприятен, и всякий поступающий по правде приятен Ему». Это было сказано как бы в пользу неверующим, что особенно важно, и что потом историческим христианством было так глубоко забыто.

Сегодня у нас произошла очень хорошая встреча. И мне кажется, что нужно продолжать эту традицию. Проф. О.И. Генисаретский говорил, что наш Институт — чуть ли не единственная сейчас площадка свободного диалога, оставшаяся в Москве или даже в России. Ну, за всю Россию нам говорить трудно, как и за всю Москву, но мы стараемся такую площадку создавать и сохранять, и открывать её для всех, потому что свобода иначе не может существовать. Поэтому приглашаем Вас, Юрий Николаевич, с Вашими друзьями. Мы бы очень хотели, чтобы здесь тоже был Ваш дом.

Ю.Н. Афанасьев: Спасибо, я желаю вам дальнейшего развития. Я знаю, что ваш путь до сегодняшнего дня был нелёгким, и можно предположить, что очень лёгким он и не будет. Но тем не менее и лица ваши, и слова, и глаза говорят о светлых помыслах и в отношении друг к другу, и по отношению к России, и дай вам Бог на этом пути всего доброго.

встречаться и расширять эти круги, которые потенциально куда шире, чем они кажутся на первый взгляд? Как бы нам в этом направлении умножать свои усилия, чтобы такого рода встречи, просветительские шаги, может быть, вызывающие круги по воде, умножались?

Ю.Н. Афанасьев: Я рецепта не знаю, а тот опыт, которым я располагаю, наводит скорее на грустные мысли, чем на оптимистические. Дело в том, что пока у людей нет политической устремлённости, пока человек не увидит себя в роли то ли министра, то ли руководителя какой-то партии, — он нормальный человек. Как только у него появляется мысль, что он кем-то должен быть — всё. С этими людьми уже невозможно разговаривать, они врут даже самим себе, они скрывают собственные мысли и говорят совсем не то, что на самом деле думают. Я таких людей знаю, и их, к сожалению, очень много. Я был членом совета, председателем движения «Демократическая Россия». Я и в узком кругу, и на широкую аудиторию в 1992-1993 годах говорил: «Ну что еще должен сделать этот Борис Николаевич, чтобы стало понятно, что, если он так будет себя вести, никакой демократии здесь не будет?» Когда начались залоговые аукционы, уже было ясно, что мы идём к олигархии, криминалу, преступности и «крышеванию» силовыми структурами всего, что делается. Но мне никого не удалось убедить. Я говорил: «Надо чётко заявлять об оппозиционности этой власти. Только тогда демократическое движение будет демократическим». «Нет, — отвечали они, — мы хотим во власть» (вслух этого не говорили, но пробирались туда, в эту самую власть всеми способами). И что получилось? Полный позор. Поэтому мне кажется, политика не даёт возможности сделать то, о чём Вы говорите, т. е. притянуть добро к добру. Она, наоборот толкает людей к подлости.

Свящ. Георгий Кочетков: Спасибо. Это очень интересная мысль, но она подтверждает то, что Вы уже сказали: что про-

Свято-Филаретовский православно-христианский институт (Москва), журнал «Вестник Русского христианского движения» (Париж-Москва-Нью-Йорк), Российский государственный гуманитарный университет (Москва) 28–30 сентября проводят Международную научно-богословскую конференцию «О МИРНОМ И НЕПРИМИРИМОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ В ЦЕРКВИ И ОБЩЕСТВЕ».

В программе конференции:

28 сентября, в среду
в Институте философии РАН
10.00–16.30 Пленарное заседание
17.30–19.00 – Круглый стол «Опыт противостояния злу в ХХ веке» (примеры противостояния злу со стороны христиан и нехристиан и попытка богословского осмысления их опыта).
29 сентября, в четверг
в Библиотеке иностранной литературы
9.00–16.30 Философско-богословская и историческая секции.

30 сентября, в пятницу
в Институте философии РАН
9.00–13.00 – Семинар «Закон Божий и закон человеческий как способ противостояния злу» (Закон как способ ограничения зла в ветхозаветном предании; закон и норма в каноническом предании церкви; закон как путь освобождения от социального зла и путь к свободе; закон и суд.)
14.30–17.30 – Пленарное заседание.

Здесь (на стр. 6 и 7) мы публикуем фрагменты готовящихся к этой конференции докладов ректора СФИ проф. свящ. Георгия Кочеткова и заведующего кафедрой догматики СФИ Давида Гэгзяна.

ЗА ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ В БОГОСЛУЖЕНИИ АРХАИЧНЫХ ЯЗЫКОВ СТОИТ ПРОСТОЕ ЖЕЛАНИЕ НЕ СЛЫШАТЬ ЕВАНГЕЛИЕ

Интервью Павла Ивановича Мейендорфа, профессора кафедры литургического богословия имени о. Александра Шмемана Свято-Владимирской православной академии

(начало на стр. 1)

Ки́фа: ХХ век дал примеры нового мученичества и святости, но он же дал примеры небывалого торжества зла (например, тоталитарных режимов), причем особенно разрушительных в странах с традиционной православной культурой. Как Вы думаете, что в историческом православии могло способствовать порождению и возрастанию тоталитаризма, какие уроки мы должны извлечь из нашего недавнего прошлого, чтобы это не повторилось?

П.И. Мейендорф: Сегодня одним из главных вызовов православию становятся отношения между церковью и государством. Этот вызов не нов: еще Иисус Христос отвечал на него, говоря, что мы должны отдавать кесарю кесарево. В течение многих веков церковь была близко связана с государством, будь то в Византии или в царской России. С самого начала это вызывало трудности, особенно тогда, когда союз был слишком тесным. Действительно, любое правительство — монархическое, демократическое, тоталитарное и т.п. — существует для того, чтобы регулировать жизнь в мире сем, так же как и для того, чтобы обеспечить свою преемственность и непрерывность существования народа. Церковь же — «не от мира сего», и она не может быть идентифицирована с той или иной формой правления. Церковь существует для возвещения евангельской вести, ее задача — вести людей в Царство Небесное, которое вечно и не принадлежит миру сему. Опасность возникает особенно в тех случаях, когда церковь начинает принимать ценности этого мира и его властных структур. Это случалось по-разному в течение веков. Временами государство эффективно захватывало контроль над церковью, как это было при Петре Великом и при его наследниках вплоть до 1917 г. Коммунистический режим просто продолжил царскую политику контроля над церковью, хотя его цель была не столько в контроле над ней, сколько в ее разрушении. Церковь принимала ложные ценности мира сего и иным путем, когда подъем национализма в XIX веке привел к созданию национальных государств и таким образом к развитию национальных церквей. Это породило нескончаемые конфликты как между нациями, так и между национальными церквями — свидетельство тому продолжающиеся церковные конфликты в Эстонии и на Украине. Готов поспорить, что любой тесный союз между церковью и государством при всех добрых намерениях окончательно разрушает доверие и уважение к церкви, которая на этом пути неизбежно втягивается в мировую борьбу за власть и влияние. И действительно, свидетельство бесчисленных новомучеников в России ХХ века, где церковь была поставлена на колени коммунистическим гонением, было самым мощным свидетельством евангельской истины, и это урок, который мы не должны забывать никогда.

Ки́фа: Насколько приемлема для христиан в борьбе со злом такая ценность западного общества, как толерантность? Где ее границы?

П.И. Мейендорф: Дух западной культуры, начиная с века Просвещения, — это традиция свободы и толерантности. Очевидно, что эта традиция берет свое начало в этике, крайне отличной от традиции православия, особенно в своей исключительной сосредоточенности на индивидуальном, субъективном, рациональном. В то же время западные демократии выработали пути ограничения индивидуальной свободы для защиты общего блага. В этом духовном климате религии, включая христианство, свободны в испытании своего влияния, и это то, что православие определенно должно приветствовать. Но это также значительный вызов для Православной церкви, которая большую часть своей истории (по крайней мере с IV века) была тесно связана со светской властью, что позволяло ей осуществлять контроль над обществом и отдельным человеком. Сегодняшняя ситуация ближе к той, что существовала до начала константиновской эпохи, когда христианство было вынуждено конкурировать с другими религиями перед лицом Римской империи, которая была временами, хотя и не всегда, враждебна церкви. Сегодня, как и тогда, церковь имеет право обращаться, убеждать людей, которые свободны в выборе веры или неверия. Но она не может принуждать кого бы то ни было к вере.

Это, несомненно, величайший вызов современному православию в новом историческом контексте. Сегодня мы можем только пытаться убедить отдельных людей и общества в том, что то, что мы предлагаем им принять — истина, Слово Божье. И мы должны делать это в соревновании со множеством других христианских церквей, так же как и с бесчисленными сектами. Мы не можем больше опираться на государственную поддержку. Если мы сделаем это, мы только потеряем доверие и уважение людей. Это значит, что мы должны развивать совершенно новые пути распространения истины православия — прямые, прозрачные, доступные тем, кому мы собираемся нести эту истину. Это, действительно, великая возможность прояснения и формулирования церковью того, что мы считаем сущностью христианской веры. Нам брошен вызов теми, кто предлагает неверные или слишком простые ответы. Мы ответственны за то, чтобы истина православия возвещалась теми путями и на том языке, которые понятны людям. Это не столько богословская, сколько пастырская задача, но будущее Православной церкви в современной культуре зависит от того, как мы встретим ее и как будем решать.

Вопросы подготовил Александр Буров
Перевод Александры Кольмагиной

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ЛОГИКЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ?

Из положений доклада заведующего кафедрой догматики СФИ Давида Гэгзяна «Противостояние злу через обновление жизни»

Церковь всегда находила возможность реагировать на то, как зло пытается не допустить укоренения в мире Христова образа жизни, Христовой победы, надежды на Христово Воскресение. Но, пожалуй, никогда это противостояние не выглядело столь свободным от всякого рода защитных представлений, как сейчас.

Сейчас мы живем в мире, который, возрастая в индифферентности к духу и смыслу, вообще к вопросам о цели и содержании. Индифферентизм во всех его формах захлестывает ту часть человечества, которая по праву называет себя цивилизованной и считает себя авангардом человеческой истории.

Сейчас тот мир, который мы называем высокоразвитым, технологичным, цивилизованным, не нуждается в простом выживании. Выживание приняло другой облик. Этот облик называется потреблением, причем потреблением, которое гипертрофированно растет в размерах, принимая на первый взгляд невинные и сладостные, а с другой стороны чудовищные формы. Но чтобы с этим что-то сделать, надо выйти за границы, надо постоять немного в положении аутсайдера, сбросить с себя все эти давящие на тебя вериги, которые совсем не спасительны, и только потом попытаться сориентироваться.

Есть масса примеров того, как логика потребления медленно, но верно убивает в человеке человечность, когда просто некогда побыть самим собой. Но когда мы сталкиваемся с этой логикой в мире, который мы называем справедливо «миром сим», миром, не просвещенным Христовым светом, миром, не знающим Христа, не знающим Его

Евангелия, то мы должны поставить себе вопрос: насколько всерьез мы готовы явить альтернативу этой разрушительной логике потребления?

Она уже давно дана в Христовом Откровении, но подтверждена ли она реально сейчас? Почему так мало взоров обращается в сторону христианства? Почему этой альтернативы не видно? Почему очень часто мы напоминаем не столько христолюбивое воинство, сколько неудачливых потребителей? Ну, не совсем же случайно ходит молва о христианах, что они люди, которые просто не умеют приспособиться к реалиям мира сего, — жить не умеют! И поэтому, когда мы говорим о харизме возрождения полноты церковности, мы говорим не о чем ином, как о возрождении действительной альтернативы, той подлинной жизни, которая содержит в себе реальную возможность не допустить внутрь своей жизни то, чем так откровенно болен сейчас мир, окружающий нас. Братство как возрождающаяся церковь — это действительно альтернативный мир, именно мир, на который можно смотреть, в который можно входить, в котором можно жить, который можно культивировать, который может шириться, вбирать в себя новых спасающихся. Очень давно мы не видим в том, что называется спасением, поиска иной жизни. Едва ли не чаще всего о спасении говорят как о поиске иной смерти, вернее, иной по-смертной судьбы. И говоря о поисках полноты церковной жизни мы говорим на самом деле о подлинном восстановлении в правах того, что мы называем спасением.

Густав Доре. «Бог посылает Левиафана в смерть». XIX в.

О ПОДЛИННОМ И МНИМОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗЛУ

Из положений доклада ректора Свято-Филаретовского института проф.-свящ. Георгия Кочеткова

1. Есть разница между отношением к греху и отношением ко злу.

Грех — не сам дух противления, а конкретное нарушение воли Божьей, его можно простить. Человек, согрешивший против другого человека или против кого-то или чего-то еще — против Бога, против мира, против себя и так далее, оказывается в ситуации не тупиковой: выход всегда есть, даже для греха к смерти, когда человек лишает себя общения с Богом или когда это общение сильно повреждается, искажается, извращается. До тех пор, пока человек жив, это можно исправить.

Со злом значительно тяжелее. Зло — всегда дух сатанинский, а дух противления нельзя прощать, поэтому с ним можно только бороться, ему можно только противопоставляться. Как бороться? *Мирно — и непримиримо.*

Мир — это сила Божья в человеке. Поэтому бороться со злом можно лишь тогда, когда Дух Христов, — а «Христос есть мир наш» — пребывает в нас.

Без непримиримости нет противостояния. Если нет непримиримости, то нет и борьбы со злом. И тогда есть попушение злу. А слово «попушение», которое иногда прилагают даже к Богу, в силу известной традиции, известных исторических обертонных приобрело значение *попустительства* злу.

Людей, которые стоят на позициях мирного и непримиримого противостояния злу, не так уж много. Обычно же люди полностью или отчасти жертвуют или внутренним миром, или своей непримиримостью. И получается или слишком много непримиримости (а это уже фанатизм, жесткость, самонадеянность и гордыня), или слишком много «примиримости» и терпимости — а это компромиссы, равнодушие и попустительство злу, которое в результате расцветает и, в конце концов, увлекает с собой самого человека. И человек оказывается внутри действия этого зла, становится его орудием, даже если он внутренне уверен, что он ему противостоит или хочет противостоять. Особенно страшно, когда это происходит в церкви, когда церковь перестает бороться с проникающим в ее внешние границы злом. И теперь этого зла во внешнем дворе церкви накопилось чрезвычайно много. Не случайно говорится, что суд Божий начнется с внешнего двора церкви.

2. Раньше человек считался мудрым, если он знал, *что* есть добро и *что* есть зло. В нашей стране в советское время вопрос о том, «что такое хорошо и что такое плохо», т.е. вопрос о добре и зле, стал восприниматься как вопрос «крошки-сына», как вопрос, которым незачем заниматься человеку взрослому. В результате сейчас во многих идет сильнейшее смещение добра и зла, их неразличение и даже неинтерес к этому различению. То есть внутренний, глубинный интерес, конечно, остается, потому что люди остаются людьми, но в жизни это проявляется наихудшим способом. Задавать такие вопросы не принято, их не обсуждают. А ведь это не только не детский и не наивный вопрос, это взрослый вопрос по преимуществу. И чем взрослее человек, тем больше он должен им интересоваться. XX век слишком долго не хотел различать добро и зло. Толстого стали признавать в большой степени именно из-за того, что он перестал бороться со злом. Согласно его учению, вся борьба в том, что ты ему не противился. Это как будто буквально по Евангелию, а на самом деле с искажением и духа, и смысла евангельского слова. Но это было с радостью принято, потому что людям надоела эта проблематика, они устали от необходимости различать добро и зло и бороться со злом. Они стали бороться за всемирное счастье, счастье всего человечества, за коммунизм или социализм. Может быть, первый всплеск на

пути в противоположную сторону совершил Ганди с его гражданским неповиновением на непротивленческих основах, потом ученые-физики, которые стали бунтовать против самой науки, которая приводит к созданию атомной и водородной бомбы.

3. Из признаков современного облика зла на первое место я поставил бы внутреннюю расколотовость, нецелостность, которая приводит к закрытости, не-проницаемости. Из-за этой расколотовости человек не может свести концы с концами внутри себя. Когда он сам непрозрачен, как он может общаться с другими, какой своей частью он будет вступать в диалог? Получается, что одной своей частью он вступает в диалог с одними силами, другой — с другими, а потом его разрывает на множество частей, просто взрывает изнутри.

Расколотовость — это синоним нецеломудрия. Общество как бы потеряло свою девственность, нарушило принципы целомудренной жизни. Это касается всего, не только политики, не только сферы пола, а очень многих вещей, прежде всего взаимоотношений между людьми. Люди стали жить по принципу «долой стыд». Целомудрие обязательно связано с понятием стыда за недостойные поступки, за недостойные модели жизни. В наше время людей сознательно приучают к противоположному, к тому, что недостойного поведения быть не может: «если это твоё поведение, оно достойно только потому, что оно твоё». Человек думает, что его индивидуальная свобода покрывает все его проблемы со свободой, что он обретет свободу через индивидуализм. Получается же прямо обратное.

Индивидуализм — тоже признак нецелостности, только по отношению к человеческим отношениям или к обществу. Что такое индивидуализм? Это разрушение целостности в отношениях между человеком и Богом, человеком и ближним, человеком и церковью, человеком и обществом, человеком и семьей и т.д.

К этому добавляется страшная инерционность, то есть бездуховность, бессмыслица и нежелание искать смыслы, нежелание искания правды, нежелание искания справедливости, или желание всего этого лишь для себя: мол, мне важна *моя* правда, мне важна справедливость по отношению к себе, мне важна *моя* духовность.

Противостоять всему этому можно через *исцеление* себя. А исцеление связано только с одним — с вдохновением, через которое только и возможно переплавить все внутреннее существо человека. Вдохновения в современной жизни очень не хватает (не воодушевления — от воодушевления люди уже устали, они впадают в уныние и в апатию от всякого нового воодушевляющего фактора их жизни). Поэтому люди часто думают, что им нереально склеить вновь — как разбитую чашку не соберешь и не склеишь так, чтобы она была практически целой. И поэтому люди живут в своей раздвоенности по-прежнему, более того, это воспринимается ими тоже как норма.

4. Проблема борьбы со злом, противостояния злу очень часто профанируется, потому что очень многие считают, что от зла достаточно убежать (согласительство со злом сейчас значительно сложнее). Еще одно из серьезных препятствий на этом пути — патологический страх перед силой зла. Человек бывает просто уверен, что он бы и рад с ним побороться, но не может, у него на это сил нет. Это одна из причин, по которой люди не могут родить полноценную общину: они остаются в объятиях страхов самых разных форм.

Я думаю, что этому надо уделять больше внимания, когда мы говорим о

Гюстав Доре. «Дева, коронованная звездами». XIX в.

борьбе со злом, потому что чаще всего человек даже не доходит до мысли о том, как ему надо жить, чтобы мирно и непримиримо противостоять ему. Это уже для тех, кто хотя бы этого не боится. Большинство же людей остаются на предыдущей ступени и все еще боятся этого противостояния, причем независимо от того, какие внешние полномочия находятся в их руках, какие средства, какая власть, какие способности, интеллектуальные или какие-то еще.

5. Противостоять злу в одиночку человек не может ни в церкви, ни в обществе. Спасаться (важно, что противостоять злу в обществе — это тоже в некотором смысле *спасаться*) в одиночку нельзя. И остается только одно — духовная семья, где есть личные и личные, очень близкие отношения.

Здесь община может обрести какие-то новые возможности, новое вдохновение, только при полном понимании того, что община и дальше должна искать себя, искать адекватную форму своего воплощения и выражения. Нельзя сказать, что эти формы уже очень хорошо найдены, что все уже устоялось. Это очень живая, но пока еще недостаточно развитая структура.

В обществе то же самое: как раз община может быть положена в основу общественного устройства. Это то, к чему приходят сейчас все идеи о местном самоуправлении, о гражданском обществе и т.д. Об этом постоянно пытаются говорить Солженицын, пытался говорить академик В. Федоров. Община, если ее не брать в патриархальном или слишком узко национальном смысле, как это иногда делали славянофилы, действительно может быть ячейкой общества. Мне кажется, что это по отношению к обществу чрезвычайно большая сила, которая еще совершенно не оценена, более того, которую просто боятся.

Восприятие общины как маргинального явления, как убежища для слабых, которые не могут ярко себя выразить, позиционировать, которые в одиночку в поле не воины, — это, безусловно, главное внутреннее, духовное препятствие на этом пути. Это апофеоз и расколотовости, и гордости, т.е. всего того, о чем мы сейчас говорили в негативном ключе, касаясь современного мира. Кто считает себя «сильным»? Как раз люди очень индивидуалистически настроенные, допустим, преданные крайнему стяжательству. Им бывает невозможно войти ни в братство, ни в общину. Более того, они тут же стараются заподозрить всякую общину в несвободе.

С другой стороны, действительно еще нет примера такой общины, которая явила бы в себе творческое, очень личностное, яркое начало каждого своего члена. Существуют и разного рода ложные корпорации, и политические, и экономические, и просто преступные. Ведь социализм, коммунизм — это была ложная корпоративность. Один из основных примеров такой сектантской корпоративности в современном обществе — фундаменталистский дух замкнутости на себя, «короткого замыкания». Это справедливо и по отношению к церкви. Не случайно фундаменталисты социального и религиозного толка очень часто сходятся.

Стремление к полноте и совершенству, мужественная и смелая открытость являются главными критериями подлинности всякой общины. Открытость к Богу, открытость к обществу, к истории, к своей земле, к Царству Небесному в первую очередь, так же как и способность к покаянию, благодарность и общение — это то, что противопоставляет сектантской корпоративности. Это может прекрасно существовать не только в церкви, но и в обществе. И формы выражения этого могут быть очень разными.

НОВОЕ ЗДАНИЕ БИБЛИОТЕКИ-ФОНДА «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» ОСВЯЩЕНО В ЦЕНТРЕ МОСКВЫ

1 сентября здание освятил протоиерей Николай Балашов, сотрудник ОВЦС МП.

2 сентября в присутствии высоких гостей здание официально открылось после реконструкции. На сегодня это первый в России специализированный научный и культурный центр по изучению наследия русской эмиграции и по работе с соотечественниками в дальнем и ближнем зарубежье. Это также самый крупный в Москве библиотечный комплекс, который включает книжное, архивное и музейное хранилища, современные выставочные и конференц-залы, аудио-видеостудии. После реконструкции библиотека получила здание общей площадью около 7 тыс. кв. м (ранее использовалось только 600 кв. м). В хранилищах фонда можно разместить почти полмиллиона печатных изданий, документов и музейных экспонатов.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (БФРЗ) была создана в 1995 году Русским общественным фондом Александра Солженицына, Парижским русским издательством «ИМКА-Пресс» и Московским правительством. В архивах — собранная А. Солженицыным Всероссийская мемуарная библиотека, в которой более полутора тысяч рукописей. Среди них — труды Милюкова, Родзянко, Татищева, о. Иоанна Мейендорфа. Директор «ИМКА-Пресс» профессор Никита Струве передал в БФРЗ рукописи и письма Н. Бердяева, М. Цветаевой, Д. Мережковского, Б. Зайцева, И. Сикорского и других деятелей русской эмиграции. В настоящее время фонд библиотеки насчитывает более 50 тысяч единиц хранения.

Молебен об освящении нового здания служили перед иконой Божией Матери, которую написала Мария Струве — супруга Никиты Струве и дочь о. Александра Ельчанинова. Удивительное совпадение заключалось еще и в том, что по инициативе о. Николая освящение началось с помещения небольшой выставки монументальных работ сестры Иоанны (Рейтлингер), у которой училась М. Струве.

В этот же день в здании БФРЗ состоялась пресс-конференция, на которой выступили директор БФРЗ Виктор Москвин, президент Фонда А.И. Солженицына Наталья Солженицына, директор издательства «ИМКА-Пресс», главный редактор «Вестника РХД» и издательства «Русский путь» профессор Никита Струве и представитель комитета по культуре правительства Москвы Ромуальд Крылов. Никита Струве назвал открытие БФРЗ «огромным событием в духовной жизни России», выходящим за ее границы. Профессор считает, что создание такого комплекса в России — это «воздаяние должного русской эмиграции, которая имела огромные достижения в разных областях, но особенно — в области литературы, религиозно-философской и общественно-политической мысли».

Наталья Солженицына предоставила прессе текст видеовыступления Александра Солженицына на церемонии открытия БФРЗ. В нем, в частности, говорится: «Три четверти века <...> диаспора была отрублена, многие и до смерти, непроходимо отгорожена от родины <...> Теперь <...> устроено то заветное место в России, о котором русская эмиграция мечтала 85 лет — это то место, куда каждый эмигрант мог бы <...> доверить на хранение историю своей жизни <...> и духовные плоды ее...»

Виктор Москвин подчеркнул, что библиотека будет общедоступной, однако для работы в архиве понадобится рекомендация учреждения, направившего специалиста. Ромуальд Крылов рассказал журналистам и гостям о перспективах развития БФРЗ: как ожидается, в 2007 г. библиотека получит дополнительное помещение.

Прямо на пресс-конференции некоторые представители эмигрантских семей, приехавшие на торжество, выразили желание передать свои архивы БФРЗ. А независимая журналистка Наталья Доре передала в дар БФРЗ текст последнего интервью Зинаиды Шаховской, сделанного за несколько месяцев до смерти в январе 2001 г.

По материалам информационного агентства «Благовест-инфо»

О. СЕРГИЙ БУЛГАКОВ БЫЛ «КЛАССИЧЕСКИМ» ДУХОВНЫМ ОТЦОМ

Интервью Марии Александровны Ельчаниновой-Струве

«Кифа»: Каковы были отношения Вашего отца, свящ. Александра Ельчанинова, и прот. Сергия Булгакова?

М.А. Струве: Мой отец стал священником под влиянием о. Сергия. Он был скромный человек и, может быть, не дерзнул бы подумать об этом сам, а отец Сергий его вдохновил на это, несмотря на то, что отец не кончил духовную академию в России. Он поступил в академию вместе с о. Павлом Флоренским, который был его другом с детства. Но Флоренский остался, а отец после полтора лет учения ушел — он находил, что там все слишком школьно. Это было не совсем то, чего он ожидал. Он ждал чего-то более духовного, жизненного.

«Кифа»: Мне всегда казалось, что путь Вашего отца был тихий, без каких-то бурных изменений...

М.А. Струве: Я сама не могла говорить с ним об этом — мне было всего девять лет, когда он умер. Но потом я спрашивала маму, были ли у моего отца периоды неверия. Она сказала, что никогда не было, что у него всегда была очень уравновешенная, спокойная вера.

«Кифа»: А образ о. Сергия связывается с исканиями, борениями.

М.А. Струве: Мой отец смотрел на него снизу вверх. При этом для него богословие было не самым важным. У меня есть книги, подаренные ему о. Сергием, с карандашными пометками отца. Но важнее всего для него была живая жизнь церкви и мы все как члены этой церкви.

«Кифа»: Вы ведь и сами лично знали о. Сергия?

М.А. Струве: Когда мне было четырнадцать лет, мой брат и я начали у него исповедоваться. И так как я потом довольно быстро заболела туберкулезом, о. Сергий особо мной занялся. Я лежала довольно долго в госпитале, он написал мне письмо, что он хочет приехать меня причастить. Но так как там рядом со мной, на соседней кровати, лежала проститутка, больная сифилисом, и вообще была Бог знает какая публика, то я сказала, что мне будет очень тяжело, если он будет меня причащать, читать молитвы при них, и я отказалась. Он ответил, что вполне меня понимает и приедет, когда я вернусь домой, что он очень меня понимает. Он вообще был «классический» духовный отец.

«Кифа»: Он был строг? Насколько он давал свободу?

М.А. Струве: Он не был строг, он давал большую свободу, он мало говорил. Раз, я помню, очень засмеялся, когда я что-то сказала.

Как-то раз спросил, читаю ли я Евангелие. Я сказала, что редко. Он сказал: «В чем же Ваше христианство? И вообще, какое это у него вызвало удивление. Но никакого «копания в душе» не было, все было совсем просто. Последняя моя исповедь была накануне его удара.

«Кифа»: Сколько Вам лет тогда было?

М.А. Струве: Мне было восемнадцать. Между двумя операциями меня привезли на подворье. Это был канун Троицы, я пошла к нему него исповедоваться перед самой всеобщей. Он ко мне вышел из алтаря, служба еще не начиналась, он весь был в сиянии. Он ко мне подошел, сказал, что сегодня не может исповедовать, и я почувствовала, что с ним что-то случилось необыкновенное. «Кстати, Вы больная, так что Вам тоже это не нужно». А на Духов день ночью с ним случился удар. Вероятно, я была одна из последних, пришедших к нему на исповедь. На следующий день я часа в три уезжала в госпиталь, и он увидел из окна нас с мамой — мы ждали машину «Скорой помощи». Он спустился вниз. Мы ждали, а он сидел на скамейке, он был совсем другой, уже не сияющий, но успокоенный, как будто что-то случилось, и теперь уже

кончено — такой спокойный, добрый. На него это было совершенно не похоже. Он всегда был огненный, пламенный, активный. Я думаю, что он чувствовал, что скоро умрет, и это его радовало, в нем было такое приятное, доброе спокойствие, как будто говорящее: жизнь, слава Богу, кончена.

«Кифа»: Дело завершено.

М.А. Струве: Да.

После операции меня повезли в Муазене (под Парижем), там тогда был Покровский монастырь, и туда после смерти о. Сергия приехала сестра Иоанна (Рейтлингер). Как-то она взяла меня гулять и рассказала мне, как перед смертью о. Сергий весь просил, когда уже был без сознания. А я ей ничего не рассказала о том, что видела его в сиянии накануне. Я очень долго, много лет никому этого не рассказывала и даже теперь редко об этом говорю.

«Кифа»: Те, кто ушел, нуждаются в нашем живом свидетельстве. Собственно говоря, настоящая канонизация — это свидетельство живых о тех, кто ушел.

М.А. Струве: Да, я чувствую некоторую обязанность. Но мне трудно об этом говорить.

«Кифа»: Может быть, это как раз свидетельство подлинности этого опыта, потому что о вещах неподлинных люди очень легко рассказывают. Я очень благодарна Вам за этот рассказ. Мне кажется, очень важно еще и то, что какая-то ниточка тянется от одного опыта к другому. В свое время для нас было довольно неожиданно, когда мы прочитали документы РСХД, узнать в них что-то знакомое нам из собственной жизни. Есть какие-то вещи, которые не пропадают даже когда внешне вроде бы все уже кончилось.

М.А. Струве: Да, никто не думал, как это все драгоценно, мы жили настоящим, а о будущем как-то не думали. Вокруг были люди, удивительно бескорыстно жившие. О. Сергий жил в такой бедности, что один раз на улице, когда он хотел спросить, как куда-то пройти, ему дали милостыню — такие у него были заплаты на рясе. И несмотря на это столько было какой-то радости, какого-то веселья! Очень жаль, что от этого времени мало осталось свидетельств, поэтому я теперь, когда меня просят, не отказываюсь рассказывать о том, что помню.

Беседовала А. Колымагина

ТВОРЧЕСТВО КАК ПОСЛУШАНИЕ

Выставка монументальных росписей сестры Иоанны (в миру - Юлии Николаевны Рейтлингер) открылась в стенах Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье» (БФРЗ) 1 сентября, в преддверии официального открытия нового здания. В небольшой комнате удалось разместить только шесть фрагментов росписей храма св. Иоанна Воина в Медоне, центре русской религиозной общины под Парижем (начало 1930-х гг.). Это первая выставка монументальных росписей сестры Иоанны в России, она устроена по инициативе одного из создателей БФРЗ, главного редактора парижского издательства «УМСА-Press», профессора Никиты Струве. В начале 1990-х гг. ему с помощниками удалось спасти росписи сестры Иоанны. К этому времени храм был заброшен, стал прибежищем бомжей, спавших иконostas работы художницы. Более шестидесяти фрагментов росписей, выполненных на загрунтованной фанере, удалось «буквально сорвать со стен» и вынести перед окончательным разрушением храма. В 2003 г. Н.А. Струве перевез шиты с частично отреставрированными росписями в Россию. Среди представленных фрагментов — «Преображение», «Рождество Христово», «Рождество Богоматери» и другие.

Юлия Николаевна Рейтлингер (1898-1988 гг.) родилась и провела детство в Петербурге. В 1918 г. в Крыму познакомилась с о. Сергием Булгаковым, и эта встреча определила всю ее дальнейшую жизнь.

Она становится не только его духовной дочерью, но помощницей и другом на всю жизнь. Путь Ю. Рейтлингер — это история русской эмиграции и реэмиграции. В 1921 г. она переезжает из Крыма в Варшаву, затем — в Прагу и Париж, где активно занимается иконой: консультации у старообрядческих мастеров и курсы религиозного искусства в мастерской Мориса Дени. Поиски нового языка «творческой иконы» сближают ее с кругом русских религиозных мыслителей: Николаем Бердяевым, Борисом Вышеславцевым, Георгием Федотовым, Василием Зеньковским, Владимиром Ильиным и, наконец, матерью Марией (Скобцовой). Тяготая к работе с большими пространствами, художница получила возможность расписать храм Иоанна Воина в Медоне, а в 1947 г. — часовню Братства св. Сергия и Албания в Лондоне. Много работала в Париже: написала иконостас для храма-гаража обшежития м. Марии на ул. Лурмель, триптих для храма того же Братства Сергия и Албания, множество икон. В 1935 г. Ю. Рейтлингер была пострижена митрополитом Евлогием (Георгиевским) в рясофор и избрана в качестве послушания «свободное творчество». Умирая у нее на руках, о. Сергий Булгаков благословил ее вернуться в Россию (1944 г.). Оказавшись в СССР в 1955 г., сестра Иоанна была распределена на жительство в Ташкент. Приезжая летом в Москву, познакомилась с о. Александром Менем, и в последние 15 лет ее жизни он стал ее духовным отцом.

Рождество Христово.
Икона сестры Иоанны (Рейтлингер)

По его просьбе написала множество икон, которые тайком пересылала его духовным детям. Умерла сестра Иоанна «в окончательной схиме: глухая и слепая, молясь до последней секунды!». Первая выставка ее икон состоялась в 2000 г. в Музее древнерусского искусства им. Андрея Рублева в Москве.

По материалам информационного агентства «Благовест-инфо»
Биографическая справка предоставлена Н. Белевцевой

ДАЖЕ ПРОСТО ТО, ЧТО ВЫ ПРИХОДИТЕ — ЭТО ОЧЕНЬ ВАЖНО!

Интервью с Раисой Курковой, участником международной конференции "Государственные религиозные и общественные организации в решении проблем ВИЧ-СПИДа. Перспективы и взаимодействие", прошедшей 18-19 апреля 2005 г.

Е. Макеева. Кто участвовал в этой конференции и кто является ее организатором?

Р. Куркова. Конференция проводилась межконфессиональным организационным комитетом при поддержке Программы развития ООН и Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС). В конференции участвовали и представители Русской православной церкви. Мы были приглашены как общественная организация, работающая с ВИЧ-инфицированными, а именно — с детьми.

Е. Макеева. Какие проблемы были поставлены перед этой конференцией и каковы ее результаты?

Р. Куркова. Конференция, на которой представители религиозных, государственных, общественных организаций обсудили

этим людям. Например, хотелось бы сказать об о. Диомиде из Брянской епархии, который при работе с наркоманами встретился с ВИЧ-позитивными. В результате в Брянской епархии сейчас работает действенная сеть организаций психологической помощи. Во время конференции о. Диомид сам подошел ко мне и сказал: "А я молюсь за ваших детей. Дайте мне их имена". Но даже и такие священники все равно чувствуют себя только небольшими очагами в той куче проблем, которая в настоящий момент существует. Надежда на то, что эти маленькие очаги будут постепенно возрастать и взаимодействовать.

Е. Макеева. А как Вы сотрудничаете с той программой, которая существует по ВИЧ-инфицированным?

Р. Куркова. Получилось так, что мы начали работать гораздо раньше, чем отклик на эту проблему возник в ОВЦС. Они узнали, не знаю, каким образом, о нас и предложили средства для детей. Нас каждый год приглашают на Рождественские чтения. Конкретную работу, конечно, мы осуществляем сами, но была и финансовая поддержка, она могла бы продолжаться, если бы мы не встретили сопротивления со стороны государства. Очень сложное дело — оказывать помощь нашим государственным учреждениям. Поэтому мы считаем чудом, что уже в течение шести лет наше служение продолжается и контакты не прерываются, несмотря на то, что в больнице за время нашей работы несколько раз сменилась заведующая отделением.

Е. Макеева. Расскажите, пожалуйста, что сейчас Вы делаете по этой проблеме, в чем заключается Ваша работа?

Р. Куркова. В сфере наших забот находятся дети, которые родились в Москве и от которых отказались ВИЧ-инфицированные матери. Все эти дети долгое время находились в инфекционной больнице № 2, в детском отделении ВИЧ-инфекции. Потом детей перевели в Дом ребенка. Добровольцы приходят гулять, играть с детьми. В этом году нам, например, удалось провести в Доме ребенка прекрасный праздник Рождества. Прекрасен он был тем, что детям удалось вживую рассказать о Боге и все дети действительно участвовали в этом празднике. Большое спасибо сестрам — Елене Кравцовой, Екатерине Никулиной — которые сумели это организовать. Еще ранее по просьбе главврача Дома ребенка мы позвали священника, и дети были крещены.

Нужно сказать, что мы опираемся не только на добровольцев. Есть много помощников, которые откликаются на конкретные нужды. Их помощь неоценима так же, как неоценимы молитвы людей об этом служении.

Е. Макеева. Скажите, пожалуйста, взаимодействуете ли Вы с какими-то государственными организациями или организациями других конфессий?

Р. Куркова. Да, конечно. Это лечебные организации — 2-я инфекционная больница г. Москвы и 7-й Дом ребенка Восточного административного округа. У нас с одобрения Департамента здравоохранения Москвы заключены с ними договоры. Без взаимодействия с ними невозможно было бы наше служение. Сама работа с детьми способствовала тому, что мы познакомились с теми, кто тоже принимает участие в этих детях. Например, это католическая организация "Каритас". Сейчас наметилось взаимодействие с организацией "Шаги", которая объединяет людей, живущих с ВИЧ/СПИД. Потому что проблема не только в том, чтобы гулять и обеспечивать какие-то нужды детей, пока они маленькие. Всем известно, что прогнозы жизни детдомовских детей, когда они выходят из стен детского учреждения, очень неблагоприятны. А тем более, когда это дети, которые несут на себе тяжесть болезни, в которой они не виноваты. Ведь даже у взрослых ВИЧ-положительных людей возник

ает проблема их стигматизации в обществе, проблема принятия обществом этих людей. Детям необходима совершенно специализированная помощь от тех, кто знает эти проблемы не снаружи, а изнутри.

Е. Макеева. Каким образом происходит это знакомство?

Р. Куркова. В отделении. Это были те люди, которые уже помогали детям в отделении детской больницы. На конференции мы продолжили наш разговор. Дети-то взрослеют. А в то же время душа болит за них.

Е. Макеева. Какие Вы видите перспективы Вашей дальнейшей работы? Какие пути Вы себе наметили?

Р. Куркова. В настоящее время у нас сложились очень хорошие отношения с Домом ребенка. Там прекрасный главврач, который готов к сотрудничеству. С воспитателями хороший контакт. Поэтому если бы у нас были добровольцы, которые имеют образование или навыки — медицинские или педагогические, то в Доме ребенка эти знания и умения вполне можно было бы реализовать. Не хватает и просто личного участия и тепла. Многого можно было бы сделать, но мы делаем только то, что можем. Известна общая проблема с добровольцами — выгорание. Мне кажется, что мы сумели пока избежать этой проблемы, потому что с самого начала я и сама старалась, и других ориентировала на то, что мы делаем только то, что нам по силам.

Часто получается, что это в какой-то мере и средство несения своей веры. Когда ты помогаешь человеку с такой большой проблемой, человеку, который отвержен обществом, то, естественно, он видит за тобой твою веру. Мы видим, что дело не в том, что мы помогли организовать крещение детей, но то, что мы — в этих уч-

Важнейшим направлением воспитательной деятельности Свято-Филаретовского православного института является каритативная практика. Будущие богословы ухаживают за больными — моют, кормят, просто общаются. Без

этого опыта, по мнению руководства вуза, невозможно стать настоящим теологом. Справедливости ради надо

отметить, что студенты выполняют порученную им работу не просто ради зачета, а с горячим желанием помочь. В ближайших номерах мы планируем рассказать об этой стороне жизни СФИ.

Среди других многочисленных направлений благотворительной работы Преображенского содружества есть и небольшая группа по работе с ВИЧ-инфицированными детьми. О ней наш сегодняшний материал.

В МОСКВЕ СОСТОЯЛАСЬ ПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УЧАСТИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БОРЬБЕ С РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ВИЧ/СПИДА И РАБОТЕ С ЛЮДЬМИ, ЖИВУЩИМИ С ВИЧ/СПИДОМ

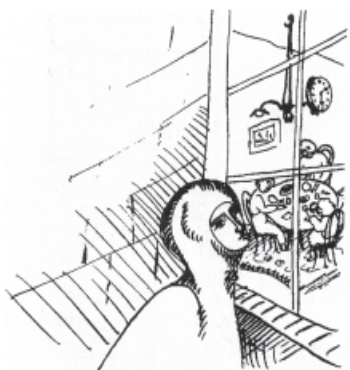
6 сентября 2005 года в Центральном Доме ученых Российской Академии наук состоялась презентация первого издания Концепции участия Русской православной церкви в борьбе с распространением ВИЧ/СПИДа и работе с людьми, живущими с ВИЧ/СПИДОМ.

Концепция была подготовлена специальной Рабочей группой, в которой участвовали богословы, священнослужители, философы, представители Министерства здравоохранения и социального развития России. В октябре 2004 года документ был одобрен Священным синодом Русской православной церкви.

В церемонии презентации приняли участие заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин, секретарь Синодальной богословской комиссии священник Владимир Шмалый, депутаты Государственной Думы Российской Федерации, представители администрации президента и полпреда президента по ЦФО, Министерства здравоохранения и социального развития России, структур системы ООН.

Священник Владимир Шмалый отметил существование двух крайностей в отношении к людям, пораженным этой грозной болезнью: либо их демонстративное осуждение, либо терпимое отношение ко греху как источнику и причине недуга. «Бесспорно, что некоторая часть людей, которые сегодня оказались жертвами СПИДа, на самом деле не совершали такого греха, который с неизбежностью должен был привести их к этой страшной болезни. Но в большинстве случаев дело обстоит как раз наоборот», — сказал о. Владимир. Он также отметил моральную недопустимость превращения отдельных людей в мишень для осуждения, порицания, ненависти. В церковной среде нет места суеверному страху перед ВИЧ-инфицированными людьми. Они причащаются Святыми Христовыми Таин из единой для всех верующих Чаши, молятся вместе со своими родными, близкими и другими прихожанами во время молебнов, совершаемых специально для них, например, в храме Живоначальной Троицы в Хорошеве. Создатели Концепции Русской православной Церкви выразили единодушную уверенность в том, что в основе общественного и личного противостояния угрозе СПИДа должна лежать христианский принцип «Возненавидь грех, но возлюбь грешника».

«Припасть к окну в чужую маету И полюбить её, пронзиться ею».

Мать Мария (Скобцова). Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь, 1937 г.

ли перспективы взаимодействия в сфере профилактики ВИЧ в России, проводилась впервые. Собрать все разносторонние силы, которые беспокоит эта проблема, уже было большим событием. Проблема ВИЧ-СПИДа была освещена очень разносторонне: и с медицинской точки зрения, и с духовной, и с социальной.

По результатам конференции был принят итоговый документ. Проблема распространения ВИЧ в России охарактеризована в документе как важнейшая угроза развитию и существованию общества и национальной безопасности. Участники конференции призывают сделать все возможное для активного взаимодействия всех религиозных организаций в деле противодействия распространению этой болезни, заботы и попечения о людях, живущих с ВИЧ. Они также обратились к государству и обществу с призывом к активному взаимодействию с религиозными организациями в деле противостояния эпидемии СПИДа, а к Межрелигиозному Совету России — с призывом включить проблематику ВИЧ/СПИДа в программу своей деятельности.

В настоящее время Россия занимает ведущее место по темпам развития ВИЧ. Так что если не принять решительных мер, то уже проблема займется нами, а не мы ею.

Е. Макеева. Как отвечает на этот вызов православная церковь? Какие есть программы?

Р. Куркова. В ОВЦС действует круглый стол по ВИЧ-СПИДу. В настоящее время, уже после конференции, была опубликована "Концепция РПЦ по работе с ВИЧ-СПИД-инфицированными", чтобы ознакомить пастырей со спецификой этой работы, ведь это уже стало массовым явлением, и церковь не может быть в стороне. Уже несколько лет в рамках Рождественских чтений проводятся круглые столы на эту тему. Не знаю, насколько повсеместно, но при подготовке священнослужителей пытаются освещать эти вопросы с тем, чтобы они могли адекватно реагировать на эту проблему в своей деятельности. Очень радует, что есть священники, которых эта проблема не застала врасплох, которые активно, со всей добротой, на которую способен православный пастырь, участвуют в помощи

«Иную жизнь почувствовать свою, Её восторг и бодь и свету».

Мать Мария (Скобцова). Рисунок в книге «Стихи». Бумага, тушь, 1937 г.

реждениях, уже является свидетельством.

Однажды я шла с остановки автобуса до Дома ребенка с одним из работающих там врачей. Она говорит: "Если бы вы даже ничем нам не помогали, но приезжали. Просто то, что вы приходите — это так важно!"

Ведь в обычной жизни этих людей подавляет страх окружающих — так, медсестры не говорят, где они работают, боясь, что отношение к больным будет перенесено и на них. Хотя способы передачи ВИЧ-инфекции известны и никакие бытовые контакты абсолютно ничем не грозят. Это просто страх. Но вера и страх несовместимы.

Еще — когда мы приходим, чувствуется, что за нами стоит большая община. Для меня-то очевидно, что работает небольшая группа, но молитвенная поддержка всех, я бы сказала, материальна — не в смысле денег, а в том смысле, что она ощущается совершенно явно. Это чувствуется. Это является откровением для многих. Ведь по тем, кто приходит, видно, что мы явно не чужие друг другу люди. И наши отношения, наша вера становятся свидетельством.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПАМЯТИ ПАСТЫРЯ

8 сентября, накануне пятнадцатилетия гибели о. Александра Меня, в здании Всероссийской библиотеки иностранной литературы, в том самом зале, где им была прочитана последняя лекция, прошла международная конференция «Пастырь. 15 лет спустя». На её открытии выступили представители разных христианских конфессий, политики и деятели искусства. Вёл пленарное заседание друг отца Александра, руководитель Центра религиозной литературы ВГБИЛ свещ. Георгий Чистяков.

Не один раз в выступлениях звучали слова об открытости и свободе, которых так не хватает взаимоотношениям людей как в обществе, так и в церкви, особенно в межконфессиональных отношениях. Среди докладчиков было много духовных детей погибшего священника. Они пытались обратиться не только к воспоминаниям о своих отношениях с ним, о его удивительном опыте пастырства, но и к его жизненному примеру, который, по признанию одного из выступавших, остался до сих пор очень мало воплощенным.

Некоторые из собравшихся обратились к оценке тех лет, которые прошли со дня гибели о. Александра Меня. Так, проф.-свещ. Георгий Кочетков, ректор СФИ, в своем докладе «Заметки о прошедшем 15-летию. Взгляд не со стороны» сказал: «Трудно говорить об этом последнем пятнадцатилетии. С одной стороны, были такие подвижники веры, как отец Александр. Я очень хорошо помню последние годы, последние месяцы общения с ним. Последние месяцы его жизни у меня было особое впечатление, что отец Александр буквально истощал себя. Он делал только то, чего требовала его совесть, его внутреннее чутьё. Казалось, что он идёт навстречу гибели, и что действительно он скоро должен предстать пред Господом. Ему советовали быть осторожнее. Но он смело, с открытым забралом шёл навстречу своей мученической смерти, может быть, где-то в глубине души надеясь на такую милость Божию, на то, что Господь дарует ему такую же смерть, которую когда-то принимали мученики и которую сейчас сложно встретить...

Если мы всё-таки хотим строить нашу жизнь, её восстанавливать, устраивать, обустроить, то, конечно, мы должны вспомнить о роли традиции, мы должны внутренне испытать потребность в предании лучших, самых святых и гениальных людей России, потребность в выявлении живого предания церкви, собирании всего вечноновое в опыте Богопознания.

На этом пути неоценимо наследие, дух и жизнь таких ушедших от нас за последние пятнадцать лет людей, как о. Александр Меня, как академик С.С. Аверинцев, архиеп. Михаил (Мудьюгин), митр. Антоний Сурожский. У каждого из них было и что-то свое, слишком человеческое, но главное в них — то, чего забывать нельзя, ибо оно от Бога. Их творческое начало, открытость, смелость, высокая культура — пример для всех. Их опыт — отрицание всех накопившихся в нашей общественной, личной и церковной жизни негативных тенденций, в т.ч. фундаментализма и секуляризма.

Надо смелее почитать их вместе как святых и праведников нашей церкви и нашего народа. Без этого невозможно открыть для себя и других и опыт святых новомучеников и исповедников российских.

У людей должны быть примеры высшей христианской жизни в нашу эпоху, в нашей стране, из нашего народа. Только это может стать новым семенем истинного христианства, истинного Православия, как в христианской истории им становились то апостолы, то мученики, то святые и преподобные.

Сейчас вновь может настать «время Церкви», но для этого нам надо почувствовать себя не столько учителями, сколько учениками: у Бога, у Христа, у наших новых святых — без стилизации и споров о мнениях, в духе их свободы и любви».

ЕГО ХАРИЗМОЙ БЫЛА ЖИВАЯ РЕЧЬ

Интервью с А.М. Копировским к 15-летию мученической кончины о. Александра Меня

Д.Матвеев: Александр Михайлович, Вы неоднократно встречались с о. Александром. Не могли бы Вы поделиться впечатлениями от этих встреч?

А.М. Копировский: Самая первая встреча была очень давно, в начале 70-х годов. Мы с о. Георгием Кочетковым поехали в храм Сретения в Новой Деревне, где служил тогда о. Александр, чтобы, что называется, на него посмотреть. Ехали очень долго, не зная ни дороги, ни времени, и приехали к концу всеобщей. Услышали только один или два возгласа на богослужении. Он не говорил проповеди, мы к нему не подходили, — впечатления никакого. Общая атмосфера на службе не понравилась, но, повторюсь, приехали поздно, может быть, просто не успели войти.

Потом я его увидел в одной московской компании христиан из интеллигенции. Хозяйка квартиры, например, слушала лекции о. Сергия Булгакова в Париже. О. Александр просто общался со всеми, был очень весел, — вот и вся вторая встреча.

А вот третья встреча уже, кажется, в конце 70-х, была очень серьезной. Его пригласила группа православной молодежи во главе с одним молодым священником (это было у него дома), чтобы в узком кругу задать ему вопросы. Нас было человек пятнадцать. Он отвечал не очень интересно и не глубоко, да и вопросы были не слишком глубокие. А потом ему задали вопрос: что он думает о проблеме евреев в православной церкви? Он ответил в духе Ильфа и Петрова, что-то типа: еврей есть, проблемы нет, и даже, что он не в курсе дела. Т.е., дал понять, что не будет разговаривать на эту тему. Я, по молодости, на него за это сильно обиделся: что же он, — не стал разговаривать, и как бы даже немножко соврал... Обижался я на него долго, а потом понял, что он нам просто не доверял и, видимо, уже обжегшись на ответе на подобные вопросы (достаточно вспомнить, какую реакцию вызвало его знаменитое интервью корреспонденту журнала «Еврей в СССР», действительно не очень, по-моему, удачное), решил не рисковать.

На этом мои встречи с ним закончились. Но след в моей жизни (значительный!) он оставил позже, — своей смертью. В воскресенье, 9 сентября 1990 г., я вечером пришел домой, родителей не было — и тут же звонит телефон. Снимаю трубку, и кто-то из наших говорит: «Убит о. Александр Меня», без подробности, — убит, и все. Я повесил трубку, сел на кровать, и вдруг — отчетливая мысль: моя работа в музее (музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева) закончилась. В понедельник я подал заявление об уходе. Для меня это было очень неожиданно. Музей Рублева никогда не был для меня просто «промежуточной станцией», мы там, все-таки, не баклуши били, а делали вполне церковное дело. Но — «время всякой вещи под солнцем»... И потом, шел 90-й год, древнерусское искусство становилось неактуальным, — слишком резко, к сожалению...

Д.Матвеев: Оказали на Вас влияние его книги?

А.М. Копировский: Нет. Мне было интересно читать «Истоки религии», но не могу сказать, что эти книги меня захватили или помогли сформировать отношение к вере. «Сын Человеческий» тоже был прочитан без серьезных последствий, наверное, потому, что уже было прочитано много другого, и

1989 г. Фото С. Бессмертного

был какой-то свой духовный опыт. Проповеди его я, правда, тогда не читал. Что меня очень сильно затронуло — это его последняя лекция «Христианство», прочитанная едва ли не за день до смерти. Перечитывал ее потом несколько раз — вдохновенная, целостная, простая в лучшем смысле этого слова... И, конечно, сама его биография, — я читал о его жизни у Ива Амана и других — впечатляла.

Д.Матвеев: Сейчас публикуются все новые материалы, становятся известными все новые черты его биографии и деятельности...

А.М. Копировский: Да, хотя, мне кажется, там слишком много субъективного: иногда получается чуть ли не «житие». Приходилось видеть даже его иконы, очень плохие, откровенно стилизованные. Я уж не говорю о художественном качестве, но те, кто их писал, должны были хоть немного знать церковную традицию...

Д.Матвеев: И все же некоторые говорят о нем очень живо. Например, Н.Л. Трауберг в недавнем, 123-м номере «Континента» дала интересное, многомерное, совершенно не «житийного» плана интервью.

А.М. Копировский: Слава Богу. Я думаю, что и его харизмой была живая речь. Впечатление от непосредственного общения с ним наверняка было намного сильнее, чем от тех же слов, впоследствии напечатанных, обработанных, уточненных, снабженных цитатами.

Д.Матвеев: Я как раз хотел спросить о харизме. Сейчас мы много размышляем о харизме нашего движения. А в чем, на Ваш взгляд, — если говорить не в частных случаях, а в общем — харизма о. Александра, его вклад в дело возрождения церкви?

А.М. Копировский: Я не берусь отвечать на вопрос в таком объеме. По моему субъективному впечатлению, это был «человек-оркестр». Он невероятно много знал, общался с самыми разными людьми, писал на самые разные темы, при этом служил в храме, в общем, — он был всем. Но вопрос всегда в том, что после, есть ли школа. Мне кажется, — хотя я, конечно, могу ошибаться, — что его харизма ушла вместе с ним. Я вижу много хороших людей из его окружения, — замечательных, умных, может быть, святых, — но каждый занимается чем-то своим.

Д.Матвеев: Так разве в этом его вина? Ведь именно он помог им стать теми, кто они есть.

А.М. Копировский: Согласен. Может быть, это тоже было его харизмой, — помогать людям расправлять крылья. Иногда, правда, некоторые расправляли не только крылья, но и еще что-то, и с легкостью необыкновенной начинали «а-ля о. Александр» говорить сразу обо всем. Получалось очень плохо. Ведь слово его самого было испытано советским «прессом». И хотя не со всем, что я у него читал, я бы согласился (кстати, о. Георгий говорил, что с ним интересно было спорить, он слышал собеседника), но это уж никак не выглядело поверхностно.

Д.Матвеев: А сейчас здравомыслящие люди в нашей церкви вряд ли станут открыто спорить друг с другом, несмотря на то, что всегда есть, о чем поспорить — потому что это может стать «новомодом для ищущих повода»...

А.М. Копировский: Да. И еще, — редко кто людей вдохновляет, утешает в библейском смысле слова. Это ведь не значит, — лить елей на макушку и говорить: все у тебя хорошо, у тебя великие предки, гордись и т.п. Утешать сейчас — это открывать церковную традицию так, чтобы человек загорелся, вдохновился и начал бы жить и трудиться в ней. Это очень трудно, и у о. Александра здесь тоже были проблемы: некоторые люди ему изменяли, или начинали городить невесть что. Но все равно, он много сделал для укрепления, как было однажды удачно сказано, «православия с человеческим лицом».

Д.Матвеев: Вопрос из разряда гадательных, а потому, наверное, не самый удачный. Но все же интересно: как Вы считаете, если бы он не был убит, была бы ситуация в церкви другой? Имел ли он для этого достаточный авторитет?

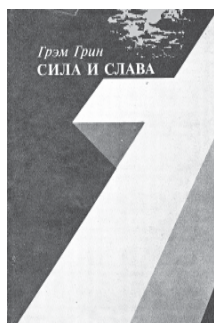
А.М. Копировский: Он имел авторитет, и у него было имя. Но, насколько я могу судить по его биографии, по его самоощущению, описанному близкими людьми и т.д., он сам не предполагал каких-то перспектив. Последние месяцы своей жизни он изо всех сил старался сделать как можно больше, и на просьбы побережь себя отвечал одно: «Скорей, скорей, можно не успеть». Видимо, у него было какое-то внутреннее ощущение близости конца. Он сделал то, что мог. Он был человеком эпохи, которая кончилась в 1991 году с распадом СССР. В новую эпоху он уже не смотрел, он создавал «человеческий» остров внутри тогдашнего безобразия, — видимо, с расчетом на то, что это будет какой-то плацдарм для будущего. Конечно, он пытался собирать людей: организовывал группы («десятки») и т.д. Но это не очень получалось, да он не делал на это главного упора.

Д.Матвеев: А на что же он делал главный упор?

А.М. Копировский: На «перекачивание» того, что он имел сам, в других людей. Чтобы они отвыкали от «совка», загорались, начинали чувствовать настоящую духовность, настоящую науку, многоплановость и многосторонность жизни, невозможность банально-благочестивых одноплановых ответов на серьезные вопросы.

Д.Матвеев: Но ведь воспитание таких людей очень важно именно с точки зрения будущего!

А.М. Копировский: Конечно. Однако в этом наступившем уже будущем основная проблема — как в церкви соединить таких людей друг с другом...

В ДЕЛО ШЛО ВСЁ ДО КРОШКИ...

Воспоминания Натальи Трауберг об о. Александре Мене

Д. Мамеев: Наталья Леонидовна, я бы хотел побеседовать с Вами об одной из сторон многогранной натуры и деятельности о.Александра — стороне, может быть, не самой известной, во всяком случае, редко обсуждающейся. Я имею в виду многолетнюю и исключительно плодотворную работу по переводу христианской литературы, осуществлявшуюся при его вдохновении и с самым активным Вашим участием — достаточно назвать Ваши многочисленные переводы Льюиса и Честертона. Известно, что переводил и он сам: в русском издании книги Грэма Грина "Сила и слава" (издательство "Путь", 1995 г.) значится: "Перевод с английского протоиерея Александра Мена". Вы много общались и работали с о. Александром в связи с переводческой деятельностью — не могли бы Вы поделиться впечатлениями? Интересно было бы узнать и о том, в каких, если так можно сказать, отношениях он состоял с иностранными языками.

Н. Трауберг: Он разбирался в них прекрасно и легко, но неглубоко. Чтобы выучить языки самому, нужны были многие обстоятельства — в частности, не учиться в школе. Переводчиком он не мог быть по определению, потому что переводчик — это филолог, человек, который смотрит в текст на много порядков глубже, чем сам по себе внешне выглядит этот текст. О.Александр не только на это не претендовал, но веселился бы, если бы его кто-то переводчиком назвал. Переводила роман "Сила и слава" (советские критики, не зная евангельского текста и видя в названии слово "power", называли книгу "Власть и слава") Вера Яковлевна Василевская, его двоюродная тетка, человек глубоко образованный, ученый, психолог. Она прекрасно знала языки, хотя тоже не была переводчиком. Она диктовала о. Александру перевод кусками. И он сократил и обработал это так, как ему нужно было для проповеди. Это было в 1970-е годы, и он не собирался это открыто издавать — она так и осталась бы в самиздате, если бы не 1988 год.

Отец Александр очень любил этот роман, часто приводил примеры из него

в проповедях и беседах. Хороший ли это перевод? Он может жечь сердца людей, но, скажем, рекомендацию в гильдию переводчиков на его основании дать нельзя. Его задачей было другое — пространно передать проповедь этой книги, ее керигму — и он ее передал.

Д. Мамеев: А с какими языками он был знаком?

Н. Трауберг: Мне кажется, со всеми европейскими. Я просто не понимаю, как это у него получалось. Какой-то охват, живость ума... То что он не сидел, как мы, с пяти лет, уча в основном языки, а потом еще в университете пять лет без просыпу — это ясно, просто не было такого места в его жизни, когда он мог это делать. Это было у него помножено на харизму, и в дело все шло до крошки. Единственное — Вера Яковлевна его подстраховывала, у нее было хорошее образование девочки мирного времени.

Д. Мамеев: А все книги Льюиса были переведены по его инициативе?

Н. Трауберг: По его прямой инициативе и благословению. В 1972 г. на Духов день я ночевала в Новой Деревне (я, даже когда жила в Литве, на Троицу старалась приезжать к его службе) и Бог действительно оказался "творящий чудеса". Они с о.Сергием Желудковым говорят: "Вот, Надежда Яковлевна (Н.Я.Мандельштам — прим. ред.) дала нам книжечку, посмотрите". Я читала ее по дороге и просто прыгала от восторга. Переводила уже сразу и тут же сообщила им, что буду делать перевод для самиздата. И мы решили, что в год будет одна книга Льюиса. Первой книгой было "Страдание", в 1974-м г. — "Чудо", в 1975-м я редактировала "Баламута" — Тانيا Шапошникова перевела. В 1976-м шли уже сказки... Все уложилось в период с 1972-го по 1988-й. Из "Космической трилогии" я переводила только "Мерзейшую мощь" это было последнее, что я переводила.

Отец Александр очень любил Льюиса, распространял его мгновенно: "типография" работала, машинистки печатали в четыре копии по несколько раз, и таким образом ухитрялись очень быстро превращать все это в огромное количество экземпляров.

«СВЯТОЙ БРАТ РОЖЕ»

Основатель экуменической общины Тэзе брат Роже Шютц был убит во Франции вечером 16 августа. Трагедия произошла в Тэзе во время богослужения, на котором присутствовало около 2 500 паломников из разных стран. Неожиданно к брату Роже подошла женщина из Румынии и три раза ударила пожилого монаха ножом в горло. 90-летний брат Роже скончался на месте. Верующие окружили убийцу и передали ее полиции.

Когда человек приходит к Богу и ко Христу, его порой не интересуют конфессиональные различия. Он вступает в новую жизнь, вступает на путь Жизни. Он становится христианином, членом Церкви.

Конечно, по мере "воцерковления" такой новообращенный начинает "конфессионально окрашиваться". Но ко спасению его все же ведут не споры о том, спасутся ли последователи Кальвина и паписты, что ждет расколника имьярек. Спасает Сам Бог, Который смотрит на путь человека.

Церковь, и об этом уже говорилось неоднократно, имеет не только сакраментальные и канонические границы, но и границы мистические. И именно их существование переводит "экуменическую проблему" из области конфессиональной политики в область богословия. Фактически, это подтвердил и Папа-антиэкуменист Бенедикт XVI, преподавший протестанту Роже Шютцу причастие.

Мученическая кончина брата Роже заставила многих опять заговорить о преодолении христианского разделения. Не как о "ереси XXI века", а как задаче для всех христиан.

Брат Роже у руководства РПЦ МП пользовался, безусловно, авторитетом. Не случайно московское священноначалие благословило совершать в Тэзе Евхаристию для православных на специально переданном антиминсе. А православные, после падения "железного занавеса", ехали сюда охотно. Их привлекал сам дух общины. Память брата Роже молитвенно почтили многие православные, начиная с Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Правда, большинству из них пришлось это сделать келейно. Так, прихожане московского храма святых Космы и Дамиана в Шубино, которые были одними из самых частых гостей Тэзе, не решились вознести за экуменического мученика публичные молитвы. Хотя, казалось бы, для этого прихода не должно

быть ничего необычного в том, чтобы помолиться за протестанта. К тому же, церковь молится, например, за неверующую власть "и воинство ея".

О. Александр Борисов, настоятель храма, пользующийся в Москве репутацией "либерала", на праздник Преображения попросил собравшихся просто почтить память брата Роже минутой молчания. "Я много думал, как поступить, — сказал священник, — и решил, ради канонической дисциплины и чтобы не раздражать наших братьев и сестер, не совершать общую молитву. Пусть каждый помолится келейно".

О. Александра можно понять: "братья и сестры фундаменталисты" — большие спецы по раздуванию скандалов. Достаточно вспомнить, как под влиянием радиостанции "Радонеж" оказался под запретом всемирно известный иконописец архимандрит Зинон с братией. Но эта "минута молчания" в храме "страха ради иудейска" все-таки оставила странное впечатление.

Фундаментализм сегодня диктует правила поведения церковному народу. При этом очевидно, что фундаменталистами движет дух буквы. И он постепенно превращает Церковь в большую "тоталитарную секту".

Равнодушно смотреть дальше на эту ситуацию нельзя. По-хорошему, чтобы наши братья и сестры фундаменталисты "не западали" там, где они не должны "западать", их нужно просто огласить — то есть рассказать им об истине веры. По благословению священноначалия. И, видимо, время оглашения бывших жрецов, ибо они принесли в постсоветскую Церковь чуждый ей дух. Пора публично говорить о фундаменталистах в принципе как о людях, нуждающихся в воцерковлении.

Борис КОЛЫМАГИН

Смерть постигла иерарха Русской зарубежной церкви на 68-м году жизни, начавшейся в Одессе. Шестилетним ребенком его вывезли из Советского Союза на исходе второй мировой войны, на фронтах которой без вести пропал его отец.

ЕПИСКОП-МИССИОНЕР

13 сентября в Калифорнии умер епископ Буэнос-Айресский и Южно-Американский Александр (Милеант)

Семья жила в Праге, в Риме и, наконец, в Буэнос-Айресе, где Александр закончил школу и начал учиться в университете. Позже он окончил Свято-Троицкую семинарию в Джорданвилле.

31 год отец Александр служил в Покровском храме РПЦЗ в Лос-Анджелесе, одновременно продолжая начатое в Аргентине научно-техническое образование. В 1983 году он защитил в университете Южной Калифорнии диссертацию, посвященную космической радиокommunikации и кодировке. По этой же специальности работал инженером в одном из отделений НАСА. Протоиерей Александр был одним из первых православных духовных лиц, в совершенстве освоивших работу с компьютером. Это помогло пастырю наладить выпуск многочисленных миссионерских листов, которые пользовались большой популярностью как в России, так и в зарубежье. К концу жизни им было издано более 300 брошюр на русском, английском и испанском языках на темы православной веры.

Десять лет назад Александр Милеант принял монашеский постриг, а в 1998 году стал епископом Буэнос-Айресским и Южно-Американским.

В последние годы епископ Александр страдал тяжелым раковым заболеванием.

Он лечился в Калифорнии и редко мог посещать свою паству в Латинской Америке, но, активно используя современные способы коммуникации, часто обращался к ней с посланиями. Два таких обращения, датированные прошлой осенью, были посвящены теме сближения РПЦЗ и Московского патриархата, к которому, как писал епископ, побуждает «желание духовного единства с нашим народом в Отечестве». В посланиях говорилось о происходящем духовном преображении России, где в Русской православной церкви «обильно дышит благодать Божия».

Епископ Александр еще в начале 1990-х годов выступал против создания на территории России приходов и епархий Зарубежной церкви. Он считал также ошибкой прием в состав РПЦЗ находившихся под каноническими наказаниями клириков Московского патриархата и других поместных Церквей, вступление Зарубежной церкви в общение с греческими старостильниками и другими непризнанными церквями. По мнению почившего иерарха, отказ бывшего главы РПЦЗ митрополита Виталия (Устинова) от приглашения к диалогу, высказанного патриархом Алексием в 1991 году, «сыграл на руку врагам Православия и Святой Руси». Те

оценки отношений Церкви с государственной властью и с неправославными общинами, которые прозвучали на Архиерейском Соборе в Москве в октябре прошлого года, епископ Александр считал соответствующими позиции Зарубежной церкви.

Ректор, сотрудники, преподаватели и студенты Свято-Филаретовского православно-христианского института направили соболезнования детям и пастве владыки Александра:

«Примите наши искренние соболезнования в связи с преставлением достойного иерарха Русской Зарубежной церкви. Он всегда сохранял удивительную трезвость и дерзновение в своей христианской жизни и служении. Его «Миссионерские листки» и литургические переводы исрали и еще будут играть свою особую роль для многих русских людей.

Его отношение к возможности богослужения на русском языке опередило многих в России.

*Вечная ему память!
С молитвой о его упокоении в селениях праведников,
проф.-свящ. Георгий Кочетков,
сотрудники, преподаватели и студенты Свято-Филаретовского православно-христианского института».*

Как передать свою веру своим же детям? Этот вопрос не имеет однозначного ответа для всех и на все времена. Первые 500 лет двухтысячелетней истории церкви детское крещение скорее было исключением, чем правилом — крестили в основном взрослых. Но начиная с IV века историческая ситуация постепенно меняется. Христианство становится государственной религией. Крестить стали по-государственному — в массовом масштабе по принципу «чем раньше — тем лучше», чего тянуть — ведь общество и государство объявили себя христианскими. Крестили сначала детей в 7 лет, в 3 года, а потом и младенцев: в год, на 40-й день и, наконец, в XVI веке — на 8-й день. Между тем практики ответственного, полноценного вхождения подрастающих детей в церковную жизнь (не просто в бытовую традицию, но в церковь) так и не возникло, что так трагически было явлено в XX веке, когда целые народы, считавшиеся христианскими, в большинстве своем фактически вернулись к язычеству.

Одной из основных тем традиционной встречи Преображенского содружества, прошедшей в августе этого года, стала тема вхождения детей и молодежи в жизнь Церкви. В этом номере мы публикуем несколько кратких выступлений, надеясь продолжить публикацию материалов этой и других дискуссий Преображенской встречи в ближайших номерах.

ПОКА НЕ ПРОИЗОШЛА ВСТРЕЧА

Борис КУВШИНСКИЙ,
преподаватель православной гимназии:

Я представляю скорее молодую часть аудитории. Я воцерковлялся в нашем братстве: учился в православной школе, проходил молодежное оглашение. Сейчас преподаю в православной школе, поэтому знаком с проблемой еще и как педагога. Придется начать с неприятного: известно, что дети верующих родителей, прежде всего православные дети, чрезвычайно развращены. Это, пожалуй, наиболее плохо воспитанная и тяжелая часть детей.

Второе: несмотря на то, что у меня самого вера с детства, надо признать, что когда наступает подростковый возраст — все то, что Господь в детстве вкладывает в человека, все его детские откровения — все это уходит. В каком-то возрасте — в четырнадцать, пятнадцать, семнадцать лет — человек проходит через искушения. Никакой детский опыт, даже очень твердый «якорь», конечно, человека не удержит, — и человек неизбежно оказывается под обстрелом этого мира.

Я хотел бы особо отметить, что очень важно чтобы у человека в молодом возрасте этот якорь был, и важно еще — что, собственно, это за якорь. Им станет то подлинное, что было святыней для его родителей, семьи, общины, церкви, — то, за что они на самом деле отдадут голову, — не слова, не добрые намерения. Еще раз: человек, который неизбежно в молодом возрасте выйдет под обстрел этого мира и захочет проверить его тайны, его искушения, посмотреть, насколько мир действительно интересен, что он может реально предложить — должен убедиться и знать по своему опыту: то, чем живут его родители, его община, его друзья, — тверже, чем этот мир. Это мне представляется очень тяжелой проблемой верующих семей, в том числе и у нас.

Ведь очень часто вместо этого у нас остается такой благожелательный, замечательный христианский опыт: «мойте руки перед едой», «будьте добрыми», «не обижайте маленьких»... Это все рядом с миром не выдерживает никакого сравне-

ния, мир это снесет, как ветер, потому что придет настоящая проверка. И у человека должен быть некий опыт, некая память о том, что было выбором его родителей, что действительно оказалось сделанным из «небесного» металла.

И для меня (я думаю, что и для всех), прежде всего, конечно, этим опытом являются не замечательные слова, а личные отношения, глаза человека, через которые льется свет иного мира. Для ребенка одна такая встреча запомнится, а целые годы размеренной жизни — нет. Мы не всегда знаем, где он обретет опыт этой встречи — в книге, музыке, с кем-то из наших знакомых. Если же этого нет, если есть только доброжелательные слова, — то это ничего не стоит, ребенок неизбежно уйдет. Это проверено жизнью. Все мои друзья, с которыми я встречался, которые проповедовали мне, мой крестный отец, моя крестная мать — все ушли от Бога. Это для меня огромная личная трагедия.

Еще — очень важно, чтобы было свидетельство сверстников. Свидетельство старшего может быть потрясающим опытом, но все равно это не мой опыт, я не могу его «надеть», это не та одежда, которую можно примерить. А вот опыт моих сверстников — это то, что действительно подвергается проверке. Это мой опыт, но как бы в другом человеке.

Последнее, о чем я хотел сказать, это то, что все церковные люди, которые хотят передать детям опыт своей веры, совершают одну важнейшую ошибку. Это попытка «раскрыть» Церковь, когда Господь этого не дает. Для детей, пока они не вошли в церковь, подлинная, духовная жизнь общины, братства, церкви — это все-таки чужой мир, которого они по-настоящему не чувствуют. Они будут знать в церкви все ходы и выходы, последовательность молитв на богослужении, кого как зовут, кто старший в каком братстве, но они не будут знать Христа! И это главное. Нет личной встречи, а если встречи нет, значит, церковь стала одной из сторон этого света. Как есть магазины, есть фильмы, так есть и церковь: нет ничего тайного. Это самое страшное, это корень развращения детей в церкви — то, что церковь не Тайна для них. Бога нет, все можно описать объективированным языком, все наши отношения похожи на отношения в мире. Они лучше, даже намного лучше, но все равно нет Тайны, ребенок знает церковь наизусть — все, кроме Бога. Самое главное — он не понимает, чего ему, собственно, не хватает, вроде он как все. И так продолжается до тех пор, пока не произошла личная встреча со Христом, пока не образовалась с Ним тайная, личная связь, пока человек по-настоящему не увидит, что можно так жить, что сверстники так живут.

ГОСПОДЬ ПОМИЛУЕТ НАШИХ ДЕТЕЙ, ЕСЛИ МЫ НЕ ЗАБУДЕМ О ГЛАВНОМ

Виктор КОТТ, преподаватель СФИ:

Духовное движение, если оно не имеет специальной связанной с детьми харизмы (такие движения есть), заниматься детьми именно как духовное движение не призвано.

Для того, чтобы дышать, не обязательно быть христианами; мы будем дышать независимо от того, христиане мы или нет. Чтобы заниматься детьми, тоже не обязательно быть христианами или членами духовного движения — это обязанность родителей; у нас нет выбора, дышать или не дышать, заниматься детьми или не заниматься. Конечно, очень хорошо, если родители-христиане могут помогать друг другу в воспитании детей. Это можно только приветствовать, и тут могут быть разные формы кооперации и т.д. Но нужно еще раз твердо осмыслить: задача нашего духовного движения (не других, а именно нашего) — не в этом.

Тем не менее, мы прекрасно понимаем, что в одиночку, без христианской среды детей нам не воспитать. Как же быть? Я думаю, что ответ может дать сама особенность данной нашему движению харизмы.

Может быть, главная трудность для нас заключается здесь в том, что плодами возрождаемой церковной жизни нам придется пользоваться, может быть, последними, что заниматься собой мы должны как бы в последнюю очередь. Чаять того, чтобы у нас была очень хорошая жизнь внутри братств и общин, можно, лишь отчетливо понимая, что она — непосредственный Божий дар, милость Божья, дарованная в ответ на верность нашей главной и единственной харизме. Будет эта верность — и все нам приложится: Господь может помиловать и нас, и наших детей, если мы только будем верны главному. И если это так, то нет детского вопроса, а есть вопрос взрослый, вопрос к членам нашего движения — о верности, осмысленной, осознанной верности нашему призванию.

Речь идет о личной свободной встрече с Богом, о том, чтобы христианин, дви-

Фото Анатолия Мозгова

женец, опознал и принял свое призвание, и это можно сделать только лично и свободно. Конечно, все стороны нашей жизни, не только наши отношения с детьми, нуждаются в осмыслении со стороны нашего призвания. И ценность начатого разговора о детях, думаю, состоит прежде всего в этом. Если мы тут сможем правильно поставить акценты, то это поможет нам обрести верность и в остальных областях нашей жизни.

Понятно, что мы не можем не искать своим детям лучшей жизни, мы не можем не искать им добра, так же как и в браке муж желает добра жене и жена желает добра мужу. Мы обязаны научить наших детей правде жизни, научить их жить с людьми. Однако детям, конечно, нужны еще и вера, и соль, но даются они не нами, а Господом. Мы же можем быть только вдохновением и примером, а это возможно для нас как движущих только в том случае, если произойдет свободная встреча с Господом в нашем призвании.

Итак, мне хотелось бы подчеркнуть: все детские заботы, педагогические курсы и консультации необходимы и очень ценны, надо, чтобы возможность всего этого была. Но жить все это будет лишь при одном условии: если мы не поставим с головы на ноги сам вопрос.

ЧТО ЗНАЧИТ БЫТЬ ЦАРСКИМ НАСЛЕДНИКОМ?

Галина СЕРОВА, преподаватель Богословского колледжа при СФИ:

Мне приходится много общаться с детьми и с молодежью, и в какой-то момент я вдруг поняла, что требовать от себя или от некоего сообщества воспитать подлинного христианина (не человека, который будет ходить каждое воскресенье в храм, исполнять установленные нормы, обязанности, а человека, у которого произошла действительная встреча со Христом) — это все равно, что требовать от самого себя родить и воспитать Александра Сергеевича Пушкина, не меньше.

В то же время вопрос: каково место детей в нашем Содружестве, встает перед нами. Когда мы говорили об этом с молодежью, у нас неожиданно родился такой образ: «Что значит родиться в царской семье, быть царским наследником?» Мы же говорим соответствующим словам апостола Петра о народе Божием как о царственном священстве. И мы знаем жизнь в нашем братстве, которая актуализирует эти слова.

У наследника есть всего лишь три пути: первый путь — отказаться от этого наследства, второй — согласиться с ним, но согласиться как бы по воле обстоятельств, стать пассивным правителем, то есть не стать Царем. И третий путь, путь действительно царственный, — принять на себя эту ответственность. История общечеловеческая и, тем более, история церковная, говорит о том, что людей, принимающих это наследие как ответствен-

Фото Анатолия Мозгова

ность — единицы. Они не становятся таковыми по конвейеру, какие бы замечательные системы, какие бы замечательные конструкции воспитания для передачи этого дара мы не выстраивали. Поэтому о даре свободы, который дан каждой личности, нам необходимо помнить, когда мы размышляем об обязанностях, о правах, о том, какие дети должны быть в нашем братстве.

Да, мы не сможем выстроить такой «конвейер»: сегодня нас в этом зале тысяча человек, а через двадцать лет здесь будет сидеть тысяча наших детей. Такого не будет, нужно быть готовыми к этому. В стремлении передать веру детям нам хорошо помнить слова апостола: «Нужно стать всем для всех, чтобы спасти хотя бы некоторых». Это касается как отношений со взрослыми, так и отношений с детьми.

Нашу газету можно приобрести:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д.29, оф.38); в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомыно (ул.

Николаямская, д.6); в книжном киоске первого гудфака МГУ; **в Санкт-Петербурге:** в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, 9); **в Париже:** в магазине «УМСА-Press».

Телефоны распространителей:

Москва: (095) 314-2596 (Александра Ошарина), 131-4769 (Ольга Филиппова), 210-7006 (Ольга Орлова), 158-9116 (Валерия Волкова), 342-6306 (Марина Чиркова)

Санкт-Петербург: 8-921-755-9926 (Анастасия Наконечная); **Тверь:** 8-082-250-2308 (Олег Ермолаев); **Архангельск:** 8-921-299-4978 (Андрей Подоров); **Северодвинск:** 8-921-299-7687 (Нина Портнова)

Редакторы:

Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина
(Москва)

Над номером работали:

Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян

Дизайн: Андрей Марсеев
Верстка: Татьяна Тыртыш
Анна Лепехина

Тел./факс: (095) 923-03-80

e-mail: kifa@list.ru

Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.